

ИВРЕЧВНЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІИ ВЪ ДАГЕСТАНЪ.

(1843 годъ).

(Статья вторая).

М Ю Р И Д И З М Ъ *.

Характеристика этого ученія. — Рожденіе Кази-муллы, его воспитаніе, характеръ и образъ жизни. — Первые проблески юридиказма въ Кюринскомъ ханствѣ и ихъ ничтожность. — Начало дѣйствій Кази-муллы въ Гимрахъ; неудача и путешествіе въ Карадахъ. — Возвращеніе и начало шарріата. — Рѣшимость Кази-муллы: Каранай, Сантъ въ Араканахъ, Унцукуль. — 1829 годъ — распространеніе славы Кази-муллы, какъ святаго человѣка. — Шамхальство, Гумбетъ и Андія. — Кази-мулла, начавъ ролью проповѣдника, обращается въ предводителя народа. — 1830 годъ — пораженіе скопидъ Кази-муллы подъ Хунзахомъ. — Движеніе генералъ-лейтенанта ба-

(*) *Материалы.* Замѣтки нашего ученаго ориенталиста, генерала Хавыкова «О Юридиказмѣ», помѣщенныя въ «Сборникѣ» газеты «Кавказъ» за первое полугодіе 1847 года и единственныя по своему ученому достоинству; статьи его же въ «Кавказѣ» за 1846 годъ. Статьи генеральнаго штаба генерала-маіора Невѣровскаго, напечатанныя въ «Военномъ Журналѣ» 1847 — 1848 годовъ, собранныя авторомъ на мѣстѣ по свѣжимъ слѣдамъ и въ высшей степени замѣчательныя по достоинству изложенія. Офіціальныя свѣдѣнія, находящіяся въ архивахъ штабовъ: Кавказской арміи и войскъ При-Каспійскаго края. «Описаніе военныхъ дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ 1839 году» свиты Его Величества генералъ-маіора Милютинна. Рукописныя сочиненія нѣкоторыхъ дагестанскихъ ученыхъ, переведенныя съ арабскаго, какъ то Аль-

рона Розена къ Каранаяу и послѣдствія этого. — Появленіе Кази-муллы въ Чукмескентѣ. — Бунтъ въ Казанищахъ. — Атлы-Буйны, Параулъ и Бурная. — Сборы непріятеля въ Ауховскомъ обществѣ и осада Внезапной. — Отступленіе скопищъ Кази-муллы и дѣйствія генерала Эммануэля. — Походъ Кази-муллы къ Дербенту. — Прибытіе въ Дагестанъ отрядовъ генералъ-адъютанта Панкратьева и генерала Вельяминова. — Нападеніе Кази-муллы на Кизляръ. — 1832 годъ — рѣшительныя дѣйствія генералъ-адъютанта барона Розена. — Раззореніе Гимръ и гибель Кази-муллы. — Впечатлѣніе, произведенное на горцевъ его смертію. — Новый предводитель — Гамзатъ-бекъ. — Краткій очеркъ его жизни и дѣйствій. — Асланъ-ханъ. — Гамзатъ-бекъ, принявъ званіе имама, сильно развиваетъ свою власть въ горахъ. — Дѣйствія его въ 1834 году — истребленіе аварскихъ хановъ и занятіе Хунзаха. — Неудачный походъ къ Цудахару и умерщвленіе новаго имама. — Важность для насъ въ потерѣ Аваріи. — Шамиль имамъ. — Бой подъ Гоцатлемъ, — спокойствіе въ горахъ на время водворяется. — Взглядъ на предшествовавшія дѣйствія Шамиля — начало новаго періода военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ. — Постоянное пребываніе тамъ нашихъ войскъ и занятіе Аваріи въ 1837 году. — Борьба съ Шамилемъ и уничтоженіе его вліянія въ горахъ походомъ генерала Граббе въ Ахульго. — Неожиданныя обстоятельства даютъ дѣлу иное направленіе: бунтъ Чечни въ 1840 году и начало новаго періода власти Шамиля. — Затруднительность нашего положенія. — Дѣйствія генерала Головина въ 1841 году. — Дѣйствія Шамиля въ этомъ же году и рѣшительное распространеніе его власти въ Дагестанѣ: мы едва-едва не теряемъ Аварію. — 1842 годъ. — Блестящія дѣйствія генерала Фезе. — Вторженіе Шамиля въ Казикумухское ханство и пораженіе скопищъ его княземъ Аргутинскимъ-Долгорукиимъ. — Походъ генералъ-адъютанта Граббе въ Ичкерію. — Походъ его въ Игали и результатъ дѣйствій. — Общее заключеніе относительно нашего положенія въ Дагестанѣ. — Положеніе непріятеля и административная система, введенная въ горахъ Шамилемъ.

Подъ именемъ *юрридизма* вообще извѣстна особая религіозная секта, утвердившаяся съ недавняго времени на Кавказѣ между непокорными горцами-мусульманами. На самомъ же дѣлѣ, горцы, за исключеніемъ весьма немногихъ, никогда къ ней не принадлежали и врядъ-ли имѣютъ какое понятіе о ея правилахъ; тѣмъ не менѣе, названіе мюридовъ, обыкновенно имъ придаваемое, приобрѣло у насъ такую гражданственность, что поколебать

топись о дагестанскихъ народахъ», Аїгумъ-кадія, «Жизнеописаніе Шамиля», сочиненіе неизвѣстнаго. Изустныя свѣдѣнія, собранныя мною во время поѣздокъ по краю, а именно: отъ прапорщика *Исаль-Магомы*, родственника и ученика Кази-муллы; отъ прапорщика *Гайдаръ-Бека*, сподвижника Хаджи-Мурата; отъ маіора Али-хана, родомъ Аварца и находящагося нынѣ на службѣ въ Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полку; отъ *Питула-Хаджи*, лекаря Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. При составленіи этой главы мы не пренебрегали ничѣмъ, что хоть скольконибудь могло служить къ разъясненію одного изъ важнѣйшихъ періодовъ исторіи Дагестана.

его теперь было бы дѣломъ невозможнымъ и даже несправедливымъ.

Мюридъ, въ буквальномъ смыслѣ, означаетъ лицо, желающее слѣдовать по пути истины. Обыкновенно имя это дается ученикамъ, приходящимъ добровольно за совѣтами къ *муршиду* или указывающему путь къ истинѣ. Слѣдовательно, какъ то, такъ и другое, не суть имена собственные, выражающія какую нибудь самостоятельную систему ученія, а просто названія.

Но если ближе разсмотримъ случаи, въ которыхъ употреблялось это названіе на востокѣ, мы окончательно убѣдимся, что кавказскіе горцы не могли иначе быть мюридами, какъ только развѣ въ значеніи политическомъ, но отнюдь не религіозномъ. Для доказательства, заимствуемъ у генерала Ханыкова характеристику этого страннаго ученія.

Три части составляютъ Коранъ: шарріатъ, тарикатъ и хаккиятъ. Первый содержитъ въ себѣ гражданскія постановленія, второй есть указаніе нравственнаго пути, а третій религіозныя видѣнія пророка, составляющія въ глазахъ мусульманъ высшую степень духовнаго вѣрованія. Истинные мусульмане обязаны повиноваться безпрекословно только первому; остальные два включаютъ въ себѣ слишкомъ трудныя правила и потому не могутъ быть доступны каждому, при томъ же главная притягательная сила мусульманства — поощреніе чувственности, сильно этому препятствуетъ.

Но тѣмъ не менѣе, нашлись люди, которые, основываясь на нѣкоторыхъ изрѣченіяхъ Корана, научающихъ презирать блага земныя (*), утверждали, что въ человѣкѣ есть нѣчто высшее, чѣмъ общая всѣмъ склонность къ обыкновенному житейскому порядку, это—способность забыть себя для пользы другихъ. Однимъ словомъ, мысль ихъ была та, что для блага человѣчества, необходимы люди, которые, развѣ отрѣшившись отъ всѣхъ земныхъ страстей и находясь въ безпрестанномъ самосозерцаніи, выводили бы правила, могущія всегда наставить и поддержать ближняго въ разныхъ житейскихъ испытаніяхъ.

Вслѣдствіе этихъ идей, на востокѣ возникаютъ монашескіе ордена, не смотря на положительное запрещеніе Магомета.

(*) Эти изрѣченія, по мнѣнію генерала Ханыкова, включены Магометомъ единственно съ цѣлю утѣшить бѣдныхъ и страждующихъ, но отнюдь не съ тѣмъ, чтобы положить начало монашескимъ орденамъ, въ которыхъ завоевательная политика лжепророка не нуждалась.

Принявъ тарикать за основаніе, учитель или мюршидъ удалялся въ уединенное мѣсто и посвящалъ себя единственно посту и молитвѣ, слава о его набожной жизни вскорѣ распространялась, къ нему приходили ученики (желающіе или мюриды), которые и составляли вокругъ него нѣчто въ родѣ монашеской братіи. Правители смотрѣли на это равнодушно, такъ какъ число послѣдователей тариката постоянно было ограничено и сами по себѣ они никогда не могли образовать противъ нихъ достаточно сильной партіи.

Чтобъ судить, до какой степени трудно было включить себя въ число послѣдователей тариката, приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ статьи о мюридизмѣ.

По мнѣнію мусульманскихъ богослововъ, пророки суть ничто иное, какъ представители различныхъ степеней духовнаго развитія человѣчества. Но не всѣ изъ нихъ въ равной степени ему содѣйствовали и только пятеро—Адамъ, Авраамъ, Моисей, Иисусъ и Магометъ, могутъ считаться за настоящихъ его представителей.

«Тѣ же пять степеней, говоритъ генераль Ханьковъ, предстоитъ пройти и мюриду при нравственномъ воспитаніи его. Приготовившись молитвою и изученіемъ шарріата приступить къ исполненію великой рѣшимости своей—отречься отъ міра и посвятить себя созерцанію Бога, онъ приходитъ къ мюршиду или старцу, и смиренно излагаетъ желаніе свое поступить къ нему въ ученики. Въ особенной комнатѣ, молельнѣ, на коврѣ, не запятнанномъ прикосновеніемъ къ чему нибудь нечистому, преклоняють они колѣна и мюршидъ, прочитывая два раккіята (*) особенной молитвы (намази истихаря) (**), испрашиваетъ покровительства Бога новопрішедшему мюриду; потомъ, обративъ испытующій взоръ на лицо его, онъ долженъ положиться на влеченіе собственнаго сердца: если оно не отвергнетъ прішедшаго, то онъ сажаетъ его передъ собою и взявъ его руки въ свои, приглашаетъ отречься отъ прежнихъ грѣховъ, съ твердою рѣшимостію сколько можно болѣе воздерживаться отъ нихъ въ будущемъ; потомъ онъ научаетъ мюрида именамъ угодниковъ (***) , которые постоянно послѣ пророка изустно передавали другъ другу тайны откровенія и приемы созерцанія, и этимъ духовно свя-

(*) Раккіять—земной поклонъ, исполненный по правиламъ.

(**) Намазъ—молитва, истихаря—покаяніе.

(***) Салиманъ, Тейфуръ, Ала-Эдинъ, Абдуль-Кадыръ, Халиль.

зываетъ ученика своего источникомъ всякаго благочестія — меддинскимъ пророкомъ. Послѣ того, старецъ приглашаетъ ученика углубиться въ самого себя, такъ, чтобы въ помыслахъ его не оставалось ничего болѣе, кромѣ мысли о Богѣ, а въ памяти слова Алла; затѣмъ мюриду предстоитъ еще одно усиліе воображенія, достаточно приготовленнаго уже предварительными приемами, а именно: онъ долженъ представить себѣ, что сердце его произноситъ слова Алла, — тогда мюршидъ притягиваетъ къ себѣ сердце мюрида и, убѣдившись, что новый ученикъ подчинился этому тайному сочувствію, онъ долженъ присидѣть съ нимъ въ описанномъ положеніи извѣстное время (*). Если такимъ образомъ сердце мюрида подчинится духовному вліянію наставника, то его немедленно затѣмъ начинаютъ руководствовать на пути нравственнаго совершенствованія, но ни въ какомъ случаѣ законъ не позволяетъ мюршиду входящихъ къ нему отвергать; единственно потому только, что сердце ихъ съ трудомъ подчиняется его вліянію; потому что мусульмане не допускаютъ совершенной невозможности этого подчиненія при сильной волѣ ученика и при чистотѣ намѣренія учителя. Такимъ образомъ, очищенный отъ грѣховъ покаяніемъ и нашедшій опору въ духовномъ отцѣ своемъ, мюридъ вступаетъ въ первый отдѣлъ своего нравственнаго воспитанія и называется довольно страннымъ именемъ *Адамюль машрябъ*, т. е. правомъходящій на Адама; для полнаго усвоенія всѣхъ совершенствъ этой первой степени, полагаютъ достаточнымъ трехъ чилей, то есть 120 дней, въ теченіе коихъ ученикъ, кромѣ строгаго исполненія пятикратныхъ молитвъ, предписанныхъ закономъ, обязанъ являться къ учителю и въ бесѣдѣ съ нимъ укрѣпляться, какъ въ подчиненіи себя его духовному вліянію, такъ равно укрѣплять въ себѣ преподаваемые ему правила, съ тѣмъ, чтобы они сдѣлались до такой степени принадлежностію его духа, какъ пять чувствъ, коими одаренъ человекъ, суть принадлежностію его тѣла.»

Такимъ образомъ мюридъ проходитъ и остальные четыре степени воспитанія, съ тою разницею, что полагается достаточнымъ находиться подъ вліяніемъ каждаго изъ четырехъ слѣдующихъ пророковъ по одной чили, то есть по 40 дней.

(*) Мусульманскіе ученые говорятъ, что для этого достаточно $\frac{1}{2}$, или $\frac{1}{4}$ времени, употребленнаго на прочтеніе $\frac{1}{4}$ Корана; такое время называется синора.

За тѣмъ слѣдуютъ обряды, доводящіе человѣка до высшей степени самосозерцанія; изъ нихъ замѣчательнѣе по своей странности слѣдующій:

Чтобы привести ученика въ полное самозабвеніе, мюридъ приказываетъ ему повторить «лаиллахи иль Алла» (нѣтъ Бога кромѣ Бога) такимъ образомъ:

«Затаить дыханіе въ нижней части желудка и, произнеся тамъ мысленно слова *ла*, возводитъ постепенно дыханіе съ удержаніемъ окончательнаго звука *а* произнесеннаго слова до вершины головы, откуда, направивъ дыханіе въ правое плечо, произнести тамъ слово *иллахи* и оттуда, сосредоточивъ его въ сердцѣ, произнести этимъ органомъ окончательныя два слова символа *иль Алла*; тоже самое долженъ онъ повторить на первый случай три раза не переводя духа, потомъ пять, и семь и такъ далѣе до 21». Послѣднее количество произношеній священнаго символа по мнѣнію ученыхъ достаточно.

Исполнивъ успѣшно эту трудную операцію, мюридъ можетъ считать себя достигшимъ многихъ качествъ, которыми не должны обладать обыкновенные смертные и тогда, для окончательнаго усовершенствованія, ему остается одна только степень, называемая *исчезновеніемъ тѣла*. Странный не менѣе предшествовавшаго, обрядъ этотъ состоитъ въ непрерывномъ, учащенномъ произношеніи молитвъ и повтореніи до 5,000 разъ въ сутки символа «ла иллахи иль Алла».

Несчастному едва остается нѣсколько свободныхъ минутъ въ сутки для утоленія голода!

Послѣ этого, воспитаніе въ религіозномъ отношеніи почитается оконченнымъ и новопоступившій мюридъ пріобрѣтаетъ право считать себя равнымъ всякому; съ выдержаніемъ искуса для него уже исчезаетъ общественная гіерархія, остается только слѣпая привязанность къ наставнику и безропотное повиновеніе его волѣ.

Приведя главныя черты ученія послѣдователей тариката, иначе мюридизма, мы старались уяснить, почему секта эта не могла выступить изъ самаго тѣснаго круга адептовъ. Трудности, встрѣчаемыя въ началѣ, и неизбѣжная необходимость самому наставнику лично поучать и наблюдать надъ каждымъ мюридомъ, постоянно ограничивали число послѣднихъ, такъ что секта эта, несмотря на свои опасныя начала, спокойно существовала въ Персіи, перешла оттуда въ Бухарію, пріобрѣла громкую извѣстность на Востокъ и все-таки терпѣлась правитель-

ствами. Какимъ же образомъ она успѣла достигнуть на Кавказѣ такихъ громаднѣхъ размѣровъ? Лучшимъ отвѣтомъ на это будутъ слова, приведенныя нами въ началѣ, что кавказскихъ горцевъ нельзя считать мюридами, иначе, какъ въ значеніи политическомъ. Религія сыграла здѣсь роль завѣсы, и только подъ ея прикрытіемъ оказалось возможнымъ увлечь цѣлое населеніе и совершить переворотъ, записанный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ грознымъ именемъ мюридизма.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, проживало въ Гимрахъ (селеніи Койсубулинскаго общества) одно бѣдное семейство изъ выходцевъ. Старшій въ немъ, по имени Исмаиль, былъ родомъ изъ Гидатля, но гонимый оттуда нищетою, онъ принужденъ былъ искать другаго убѣжища и выборъ его случайно палъ на Гимры. Нѣсколько времени спустя, Исмаиль женилъ единственнаго сына своего Магому, на Гимрянкѣ Баги-Султанъ изъ семейства Мадабияля, а самъ удалился въ Каранай. Исмаиль былъ очень ученъ: зналъ наизусть Коранъ, зналъ отлично горскіе обычаи, по которымъ производится судъ и расправа, и Каранаевцы вскорѣ выбрали его въ помощники своему кадію.

Около 1785 года, у Исмаилова сына родился мальчикъ, названный тоже Магомой, любимѣйшимъ именемъ мусульманъ (*). Современники этого событія рассказываютъ, что при появленіи ребенка на свѣтъ, на небѣ замѣтили чудное знаменіе, значеніе котораго тогда никто не могъ объяснить, хотя сердца всѣхъ переполнились безотчетною радостію. Справедливо ли это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ обстоятельство это было многозначительно и еслибъ кто нибудь тогда могъ предвидѣть будущее новорожденнаго, то нѣтъ сомнѣнія, что его бы стоило задушить въ колыбели, потому что ребенокъ этотъ былъ впоследствии извѣстный Казимулла (**).

(*) Магометъ или Магома—по испорченному произношенію жителей Дагестана.

(**) Годъ рожденія Казимуллы съ точностію неизвѣстенъ; но въ 1832 году ему было около 50 лѣтъ. Горцы обыкновенно называютъ его мулла Маго-

И до сихъ поръ въ устахъ народа, свято чтущаго память перваго своего наставника и вождя, живутъ рассказы о его юности и первоначальной обстановкѣ. Такъ говорятъ, что отецъ Кази-муллы, по странной прихоти случая, какъ будто бы искавшаго еще рельефнѣе выдвинуть этого необыкновеннаго человѣка, былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія за пьянство и безпорядочную жизнь; за то самъ Кази-мулла, съ первыхъ лѣтъ дѣтства началъ привлекать всеобщее вниманіе. Будучи ребенкомъ, онъ постоянно избѣгалъ игръ, свойственныхъ его возрасту, и уже тогда на немъ былъ виденъ перстъ Божій. Старики, любуясь кроткимъ поведеніемъ мальчика, постоянно ставили его въ примѣръ другимъ, предсказывая ему въ будущемъ много лестнаго.

По достиженіи 10-ти лѣтняго возраста, Кази-мулла, по желанію своего дѣда, перебрался на жительство въ Каранай, гдѣ подъ его руководствомъ дѣятельно принялся за арабскій языкъ и Коранъ.

Рано развившіяся способности ребенка облегчили трудное изученіе священной книги, служащей для многихъ камнемъ преткновенія, и по прошествіи пяти лѣтъ, онъ уже зналъ все, что было извѣстно Исмаилу. Вскорѣ Исмаиль умеръ и Кази-мулла, обогащенный его познаніями, возвратился въ Гимры. Здѣсь, собравъ книги—сочиненія разныхъ дагестанскихъ ученыхъ,—онъ жадно принялся за ихъ ученіе, многое пополняя собственными выводами и размышленіями; но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія эти все-таки не въ состояніи были удовлетворить его пытливый умъ, а между тѣмъ въ Гимрахъ не находилось достойнаго ему наставника.

Въ это время проживалъ въ Араканахъ знаменитый по понятіямъ горцевъ ученый, по имени Саитъ-эффенди, бывшій впоследствии любимцемъ А. П. Ермолова; къ нему рѣшился отправиться Кази-мулла, чтобы окончить свое образованіе. Съ перваго же раза, Саитъ оттолкнулъ отъ себя новаго ученика, и дѣйствительно, добродушный, откровенный Саитъ и который притомъ былъ не прочь отъ нѣкоторыхъ удовольствій жизни, запрещаемыхъ Кораномъ, разумѣется не могъ понравиться человѣку, по-

метъ; но онъ былъ Газій, т. е. ведущій священную войну, и вотъ откуда является это двойное имя: Гази или Кази-мулла, обыкновенно придаваемое ему Русскими. Имя это и мы удержимъ для отличія отъ другаго муллы Магомета, также игравшаго роль въ исторіи юридиказма.

добному Кази-муллѣ. Однако, скрытный юноша сумѣлъ за-таить первое неприятное впечатлѣніе и со свойственнымъ ему усердіемъ принялся за науку; но нерѣдко бесѣды ихъ оканчивались продолжительными спорами и Саитъ, думая найти въ Кази-муллѣ послушнаго ученика, встрѣтилъ въ немъ человѣка, уже твердо составившаго себѣ разныя убѣжденія и въ которомъ недостатокъ научнаго образованія былъ съ избыткомъ пополненъ строгимъ размышленіемъ; многія изъ идей Кази-муллы были такъ оригинальны и новы, что онѣ казались Саиту сумасбродствомъ. Послѣдствіемъ такихъ отношеній между учителемъ и ученикомъ, какъ и легко отгадать, была ссора, и Кази-мулла принужденъ былъ покинуть Араканы. Этимъ собственно и оканчивается научное образованіе будущаго проповѣдника джихада (*). Съ прибытіемъ въ Гимры, Кази-мулла уже не беретъ болѣе уроковъ, потому что достигъ той степени знанія, когда самъ могъ поучать.

Слѣдующія за тѣмъ нѣсколько лѣтъ, ничѣмъ особенно не замѣчательны; кажется, время это было употреблено Кази-муллою отчасти на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ средствъ къ жизни, отчасти для распространенія заслуженной имъ въ Гимрахъ репутаціи ученаго и безъукоризненнаго человѣка. Ежегодно осенью уѣзжалъ онъ въ Кабарду или въ Ногай и только къ лѣту возвращался домой. Повсюду къ нему стекалось множество учениковъ и за наставленія свои Кази-мулла получалъ щедрую плату быками, баранами и хлѣбомъ. Эти добровольныя приношенія дали ему возможность поправиться.

Несмотря на явное отвращеніе къ домашней жизни, Кази-мулла задумалъ жениться, единственно повинувшись законамъ пророка. Выборъ его палъ на одну гимрянскую дѣвушку по имени Били, дочь Хаскили. Обстоятельства, которыми сопровождалась свадьба, были такъ оригинальны, что заслуживаютъ разсказа.

Опасаясь, чтобы впослѣдствіи, въ минуты сердечныхъ изліяній, не проговорится въ чемъ нибудь важномъ передъ женою, Кази-мулла придумалъ слѣдующее средство испытать ее въ скромности. Въ первую же ночь брака, онъ открываетъ Били какую-то тайну, вѣроятно нарочно придуманную для этого опыта, и за-

(*) Джихадъ — война противъ невѣрныхъ.

клинаетъ ее никому о томъ не рассказывать; Били даетъ слово, но на слѣдующій день всѣ въ Гимрахъ знали сказанный ей мужемъ секретъ. Тогда Кази-мулла тотчасъ же развелся съ нею.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ засваталъ дочь Хамза, Шамаю. Съ нею повторилась таже самая исторія и, подобно Били, она на другой день была прогнана.

Наконецъ Кази-мулла попробовалъ въ послѣдній разъ испытать счастья и женился на молодой и красивой Патимать—сестрѣ Исаль-Магомы (*). Наученная плачевною судьбою двухъ предшествовавшихъ женъ, она съумѣла сохранить втайнѣ все, что ей было говорено мужемъ, и Кази-мулла остался ею доволенъ.

Въ это время ему было уже за тридцать лѣтъ и вотъ какъ современникъ рассказываетъ о его наружности и характерѣ.

Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ и худощавъ; глаза большіе и на выкатѣ; черты лица тонкія и выразительныя, а глубокія морщины поперегъ высокаго лба изобличали постоянную думу. Терпѣнію его не было предѣловъ: никто и никогда не видѣлъ его сердящимся какъ бы ему не досадили; онъ рѣдко высказывался и какъ истинный мудрецъ болѣе хранилъ молчаніе, отъ этого всякое слово его имѣло вѣсъ и значеніе. Таковъ портретъ Кази-муллы и мы не можемъ не узнать въ немъ чертъ, составляющихъ типъ восточнаго честолюбца: спокойнаго, мрачнаго и холодно-жестокаго.

Но здѣсь пока оставимъ Кази-муллу и обратимся къ современнымъ событіямъ, имѣющимъ связь съ нашимъ рассказомъ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ Кюринскомъ ханствѣ появляются первые слѣды религиозныхъ волненій. Бухарецъ Хасъ-Магометъ, воспитывающійся у главнаго кюринскаго кадія муллы Магомета, вздумалъ посѣтить родину и, вернувшись оттуда, передалъ своему учителю идеи мюридизма, уже съ незапамятныхъ временъ усвоенные бухарскими учеными. Мулла Магометъ, пораженный высокою картиною, развитою съ полнымъ увлеченіемъ энтузіазма, вдругъ перемѣнилъ образъ жизни, передъ этимъ всегда согласовавшійся съ коренными правилами Корана, и сталъ усердно молиться Богу.

(*) Того самаго Гимринца (нынѣ прапорщикъ милліціи), который сообщилъ мнѣ многія подробности о Кази-муллѣ. Исаль-магома благоговѣетъ передъ знаменитымъ своимъ наставникомъ.

Слухъ о чудномъ обращеніи кадія быстро разнесся по краю, подстрекнувъ любопытство Кюринцевъ, и безъ того жадныхъ къ новостямъ, и вскорѣ селеніе Ярагларъ, мѣстопробываніе муллы Магомета, стало наполняться толпами народа, ожидавшаго видѣть что нибудь необыкновенное.

Мулла Магометъ, изнуренный постомъ и молитвою, охотно показывался народу, раздавалъ наиболѣе бѣднымъ щедрую милостыню, что достаточность его позволяла ему дѣлать, и проповѣдывалъ о беззаконіяхъ, въ которыхъ жили Кюринцы. Короче сказать, мулла принялъ на себя обязанность мюршида, вовсе не имѣя въ виду придавать проповѣдямъ своимъ какое нибудь политическое значеніе. Но тѣмъ не менѣе, слова его произвели сильное впечатлѣніе, и Кюринцы, дотошъ смирные и покорные, стали мечтать о вещахъ несбыточныхъ. Во многихъ селеніяхъ обнаружилась безпорядки: праздная молодежь, бродя изъ дома въ домъ, призывала правовѣрныхъ къ возстанію противъ Русскихъ и крики: «казавать! казавать! (война) мусульмане; настало время казавата!» раздавались по улицамъ и въ мечетяхъ.

Эти восторженные воззванія скорѣе были смѣшны, чѣмъ опасны. Тогда Кюринское ханство находилось подъ управленіемъ Асланъ-хана, хотя человѣка коварнаго, и быть можетъ далеко не раздѣлявшаго той симпатіи къ Русскимъ, которую онъ выказывалъ, но все-таки преданнаго намъ изъ личныхъ выгодъ и отчасти изъ страха. Кавказомъ въ это время управлялъ человѣкъ грозный по имени и по дѣлу, А. П. Ермоловъ, которому не стоило бы большаго труда задушить и Асланъ-хана, еслибы онъ явно осмѣлился принять сторону бунтовщиковъ, и Кюринское ханство, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ рѣшилось поднять голову. Усмиреніе Акуши было памятно всѣмъ.

Какъ бы то ни было, но слава о кюринскомъ кадіѣ и его набожной жизни быстро разнеслась по Дагестану и привлекла къ нему многихъ, желавшихъ видѣть и слышать святаго человѣка. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Кази-мулла, предпринявшій въ 1825 году поѣздку въ Ярагларъ. Хотя и очень сомнительно, чтобы онъ искренно раздѣлялъ идеи муллы Магомета, но только по краткомъ съ нимъ свиданіи, Кази-мулла оставилъ его съ чувствомъ глубокаго уваженія, что во всякомъ случаѣ, для собственныхъ успѣховъ въ будущемъ, не мѣшало ему выказывать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, слухи объ этихъ происшествіяхъ достигли и до нашего правительства на Кавказѣ.

Генераль Ермоловъ предписалъ Асланъ-хану, челоуьку ушному, но хитрому и пронырливому, строго изслѣдовать дѣло и обо всемъ, что окажется, подробно донести.

Асланъ-ханъ, призвавъ муллу Магомета, заставилъ его объяснить, предъ собою и въ собраніи другихъ муллъ, сущность новаго ученія. Нѣсколько смѣлыхъ и жесткихъ словъ, сказанныхъ мюршидомъ хану, во время пренія, вывели послѣдняго изъ терпѣнія, и въ припадкѣ гнѣва онъ далъ ему пощечину. Тогда оскорбленный старикъ молча удалился, затаивъ въ душѣ глубокую ненависть къ хану и твердо рѣшившись не отступать ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій.

Когда же до хана вторично дошли слухи о продолженіи проповѣдей фанатика и о стараніи его привлечь къ себѣ послѣдователей, тогда онъ приказалъ одному изъ своихъ нукеровъ, по имени Таиру, схватить мятежнаго муллу. Послѣдній, увидя посланнаго и догадавшись въ чемъ дѣло, сказалъ ему кротко: «Знаю, зачѣмъ ты пришелъ; ступай, скажи хану, что я самъ къ нему явлюсь». Эта мнимая покорность обманула Таира и его людей; они вышли, а тѣмъ временемъ мулла Магометъ выбѣжалъ изъ дома въ заднюю дверь и скрылся. Но побѣгъ его не имѣлъ успѣха, и въ тотъ же день онъ былъ схваченъ Таиромъ и подъ конвоемъ доставленъ къ хану, который приказалъ его заключить въ мечеть. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ мулла Магомету вторично удалось бѣжать и на этотъ разъ счастливѣе: онъ пробрался въ кайтагское селеніе Маджалисъ, жители котораго охотно его приняли и обласкали, какъ святаго челоуька. Этимъ собственно и оканчивается политическая роль кюринскаго кадія: съ тѣхъ поръ онъ болѣе не появлялся на родинѣ и самое имя его вскорѣ исчезло изъ памяти народа, а Асланъ-ханъ донесъ генералу Ермолову о прекращеніи новаго ученія (*). Начавшіяся около этого времени враждебныя къ намъ отношенія Персіи привлекли на себя все вниманіе нашего правительства.

Несправедливо обвинять Асланъ-хана, будто бы онъ въ своемъ донесеніи умышленно обманулъ Ермолова, между тѣмъ, какъ втайнѣ сочувствовалъ новому ученію и желалъ его распростра-

(*) Во время похода на Дербентъ, Казимулла вспомнилъ о муллѣ Магометѣ и пригласилъ его съ собою въ горы. Послѣдній, не считая пребыванія свое въ Маджалисѣ совершенно безопаснымъ, охотно принялъ приглашеніе и переселился въ глубь Дагестана; тамъ онъ окончилъ свою жизнь, не принимая ни малѣйшаго участія въ кровавой драмѣ мюридизма.

ненія во вредъ Русскимъ. Это было бы съ его стороны весьма недальновидно, потому что, если допустимъ, что мулла Магометъ проповѣдывалъ тѣже идеи, которыя нынѣ составляютъ сущность кавказскаго мюридизма,—то есть войну противъ невѣрныхъ и ниспроверженіе законныхъ хановъ, то нѣтъ сомнѣнія, что первою жертвою онаго сдѣлался бы самъ Асланъ-ханъ, чего онъ вѣрно не хотѣлъ. Всего правдоподобнѣе, что Асланъ-ханъ, видя отвлеченныя идеи новаго ученія и зная, что сѣмена его давно уже гнѣздились и въ другихъ государствахъ Востока, не привлекая многихъ и ненарушая общественнаго порядка, счелъ его за пустякъ, и дѣйствительно проповѣдимюршида были бы пустякомъ, еслибы онъ впоследствии не повторился, и притомъ совершенно въ иномъ видѣ, въ устахъ Кази-муллы.

Мы видѣли, что Кази-мулла ѣздилъ въ Ярагларъ на свиданіе съ кюринскимъ кадїемъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась ихъ бесѣда, но только по возвращеніи въ Гимры, Кази-мулла еще болѣе отчуждилъ себя отъ общества, еще болѣе погрузился въ размышленія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ испытывалъ нѣкотораго рода колебаніе, прежде, нежели окончательно рѣшился приступить къ дѣйствию. Планъ его былъ простъ и основывался не на умозрительныхъ идеяхъ тариката, но на коренныхъ началахъ религіи. Горцамъ вовсе не былъ извѣстенъ шарріатъ; отъ этого жизнь ихъ не походила на жизнь истинныхъ мусульманъ, а разъ успѣвши доказать имъ это, Кази-мулла могъ рассчитывать на многихъ приверженцевъ, потому что горцы религіозны, а слѣдовательно послушны всему, что говорится пменемъ пророка. Въ дальнѣйшемъ же успѣхѣ Кази-мулла не сомнѣвался, потому что народъ заранѣе былъ подготовленъ слышать отъ него все высокое и прекрасное, а энтузіазмъ и легковѣріе его ручались въ легкости, съ какою можно было его обмануть и обратить въ орудіе своихъ замысловъ.

До этого времени быть горцевъ, какъ мы сказали, отличался отъ быта мусульманъ по невѣдѣнію шарріата. Внутреннія дѣла въ обществахъ разбирались кадїями и старшинами изъ почетныхъ людей. Кадїй назначался обществомъ изъ ученыхъ и могъ оставаться въ этомъ званіи всю жизнь, если были имъ довольны; старшины же выбирались на годъ и не болѣе, какъ на три. Все рѣшалось по адату (обычаю) и только дѣла брачныя и сирот-

скія по шарріату (*). Въ каждомъ селеніи были мечети и молились Богу хорошо, но вмѣстѣ съ этимъ пили вино, женщины ходили безъ покрывалъ, молодежь кутила, волочилась и развратничала на-пропалую; въ самое богуслуженіе вкралось много грубыхъ ошибокъ, по незнанію арабскаго языка. Къ довершенію всего, въ горахъ вовсе не было единства, завѣщеннаго Магометомъ, какъ необходимаго условія существованія, и деревни, въ особенности сосѣднія, нерѣдко ссорились между собою, воровали другъ у друга скотъ и женъ. Если кого нибудь убивали въ дракѣ, убійца долженъ былъ удовлетворить родственниковъ и въ такихъ случаяхъ обыкновенно отплачивался кускомъ бязи (бумажная матерія). Были и кровомщенія—канлы.

Очевидно, что рано или поздно, но долженъ былъ явиться человѣкъ, который бы указалъ народу всѣ его уклоненія отъ общихъ законовъ мусульманства. И вотъ таковымъ то является Кази-мулла, который, начавъ ролью проповѣдника и вспомоществуемый счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, развитыхъ и поддержанныхъ его геніемъ, обращается впослѣдствіи въ предводителя цѣлаго народа и завѣщаетъ ему борьбу религіозную, а слѣдовательно кровавую и упорную до изуверства.

Однимъ изъ первыхъ пороковъ, противъ котораго Кази-мулла энергически вооружился, было пьянство, потому что отъ него, въ большей части случаевъ, зависятъ всѣ остальные. Въ сильныхъ, но понятныхъ выраженіяхъ, онъ проповѣдуетъ противъ невѣжества муллъ, ихъ разгульной и исполненной соблазна жизни, и именемъ Бога закликаетъ народъ отступиться отъ прежнихъ беззаконій. Но исполненная истины и простоты рѣчь его не производитъ должнаго успѣха: гимринскіе муллы, за-живо ею затронутые, съумѣли ловко потушить возбужденный въ народѣ энтузіазмъ. Тогда огорченный Кази-мулла объявилъ Гимринцамъ, что онъ отправляется въ Карадахъ искать правды и шарріата и если ему не хотятъ вѣрить, пусть вѣрятъ свидѣтельству другихъ. Дѣло въ томъ, что Карадахъ, селеніе Андалаяскаго общества, искони славилось ученостію своихъ муллъ и аминовъ и приговоръ ихъ во всемъ, что касалось религіи, считался непогрѣшительнымъ въ цѣломъ Дагестанѣ.

(*) Однимъ словомъ, шарріатъ имѣлъ такую же ограниченную силу въ горахъ, какую онъ и по нынѣ имѣетъ въ шамхальствѣ и Мехтулинскомъ ханствѣ.

Три мѣсяца Кази-мулла пребылъ въ Карадахѣ, проводя дни въ совѣщаніяхъ съ тамошними учеными, ночи въ непрестанной молитвѣ. По истеченіи этого срока, истощенный постомъ и усиленными молитвами, онъ пѣшкомъ отправился въ Гимры, поддерживаемый подъ руки тремя учениками, бывшими вмѣстѣ съ нимъ въ Карадахѣ. Ученики, между которыми находился и Шамиль, повсюду рассказывали съ увлеченіемъ о подвигахъ своего наставника и о глубокомъ уваженіи, которое возымѣли карадахскіе муллы къ его знанію и святости жизни. Гимринцы же съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали возвращенія Кази-муллы, и узнавъ чрезъ нарочно-посланнаго о его приближеніи, толпами вышли къ нему навстрѣчу. Въ верстѣ отъ Гимръ, на небольшомъ курганчикѣ, Кази-мулла остановился и приказалъ народу собраться вокругъ себя. Здѣсь, не входя въ длинныя объясненія, онъ объявилъ Гимринцамъ, что по постановленіямъ шарріата, всякій пьющій вино подвергается *сорока палочнымъ ударамъ*, и какъ онъ самъ, по невѣдѣнію, не былъ изъятъ отъ этого порока, то и приказалъ Шамилю тутъ же дать ему положенное закономъ число ударовъ; затѣмъ Шамиль и другіе два ученика были подвергнуты тому же исправительному наказанію. Этотъ примѣръ религіознаго и вмѣстѣ съ тѣмъ хитро разсчитаннаго смиренія, сильно подѣйствовалъ на народъ, который, въ припадкѣ увлеченія, рыдалъ, цаловалъ полы Кази-муллы и билъ себя палками.

Затѣмъ онъ вкратцѣ объяснилъ правила, какъ должно было поступать по шарріату, и народъ единодушно умолялъ его быть наставникомъ и руководителемъ. Тогда Кази-мулла воспретилъ пить вино, но чтобы переходъ этотъ не показался слишкомъ рѣзкимъ, разрѣшилъ на первое время употребленіе водки и джабы (вино, переваренное на меду). Но по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ и это было запрещено, такъ что горцамъ оставалась одна буза, родъ браги, и то потому, что она невкусна. Къ концу же года и буза была запрещена. Однакожь, народъ, пріучаемый постепенно къ правиламъ шарріата, не слишкомъ чувствовалъ ихъ строгость, а ежедневныя поученія Кази-муллы еще болѣе укрѣпляли его въ желаніи имъ слѣдовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно постановленіямъ пророка, женщины прикрылись покрывалами, мужчины надѣли чалму, подстригли усы въ уровень съ верхней губой и бороду клвномъ; молодежь пріутихла и всякое пѣніе, за

исключеніемъ гимна «ла илляхи иль Алла», было изгнано, какъ несвойственное истинному мусульманину.

Между тѣмъ, какъ все это совершилось въ Гимрахъ и они, полные религіознаго энтузіазма, незамѣтно принимали иную фizioномію, ученіе Кази-муллы постепенно проникало и въ другія мѣста. Жители Ашильговъ, Чиркеевцы, Ирганаевцы и другіе, привлекаемые въ Гимры славою проповѣдника, по возвращеніи домой охотно распространяли его идеи, и Кази-мулла, имѣя повсюду столько приверженцевъ, уже безъ труда могъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Вскорѣ сами обстоятельства подали къ тому поводъ.

Жители Караная обратились къ нему съ просьбою дать имъ кадія. Кази-Мулла указалъ имъ на одного изъ своихъ учениковъ (*) по имени Магома-Илау, родомъ изъ общества Келе, и онъ былъ немедленно избранъ въ это почетное званіе. Но вскорѣ Каранаевцы, испытавъ на дѣлѣ его строгость, раскаялись въ своей поспѣшности и прогнали новаго кадія. Тогда, оскорбленный Кази-мулла подступилъ къ Каранаяу съ Гимринцами и какъ жители не рѣшились стрѣлять по святому человѣку, то онъ безпрепятственно занялъ селеніе, арестовалъ болѣе виновныхъ въ возмущеніи, а остальныхъ, согласно шарріату, наказалъ палками. Каранаевцы присмирѣли, а примѣръ сильно подѣйствовалъ на умы народа, начинавшаго видѣть въ Кази-муллѣ уже не одного наставника.

Вслѣдъ за симъ, бывшій учитель его—Сантъ-эффенди, всталъ противъ Кази-муллы и началъ публично опровергать его ученіе. Постигая, какъ могъ быть опасенъ подобный противникъ, Кази-мулла, съ 150 наиболѣе преданныхъ людей, быстро двинулся къ Араканамъ, такъ что безпечный Сантъ едва успѣлъ выбѣжать изъ селенія, оставивъ тамъ все свое имущество и женъ. Кази-мулла занялъ его домъ, велѣлъ его разграбить, а вино, которое Сантъ имѣлъ въ изобиліи, приказалъ разливать по полу, приговаривая «лейте больше—онъ любилъ вино». Все это произошло такъ неожиданно, что Араканцы совершенно растерялись и

(*) Между населеніемъ, послѣдовавшимъ ученію Кази-муллы, необходимо отличать его учениковъ. Имъ онъ наиболѣе занимался и въ своихъ частныхъ бесѣдахъ открывалъ имъ самыя сокровенныя тайны религіи. Они то находились къ нему въ отношеніяхъ, существовавшихъ между послѣдователями тариката, и потому названіе мюридовъ приличествуетъ имъ однимъ.

трепеща передъ Кази-муллою, угрожавшимъ въ случаѣ неповиновенія сжечь ихъ деревню, выдали ему аманатовъ.

Уничтоживъ Сайта, Кази-мулла направился къ Унцукулю, главному селенію Койсубулинскаго общества, и собравъ жителей, объявилъ имъ: «что живши до сихъ поръ гяурами, отнынѣ впредь они должны поступать по шарріату; въ противномъ случаѣ, прибавилъ онъ грозно, эта шашка научить васъ повиноваться». Унцукульцы перешли на его сторону; примѣру ихъ послѣдовали всѣ безъ исключенія койсубулинскія деревни.

Слѣдующій 1829 годъ (*) былъ еще благоприятѣе для Кази-муллы; вліяніе его распространилось по всѣмъ вольнымъ обществамъ Дагестана и Чечни, а слава его, какъ святаго человека, находила ему партизановъ даже между владѣтельными особами. Асланъ-ханъ казикумухскій, узнавъ, что въ его владѣніяхъ были ограблены люди, посланные Кази-муллою въ Кубу за разными покупками, приказалъ розыскать виновныхъ въ хищничествѣ и наказать ихъ, а деньги, по стоимости товара, возвратить Кази-муллѣ при извинительномъ письмѣ.

Престарѣлый Мехти, шамхалъ тарковскій, обратился къ Кази-муллѣ съ лестнымъ для него приглашеніемъ: «Я слышалъ, писалъ шамхалъ, что ты пророчествуешь. Если такъ, то пріѣзжай научить меня и народъ мой святому шарріату; въ случаѣ же твоего отказа, бойся гнѣва Божьяго: я укажу на томъ свѣтѣ на тебя, какъ на виновника моего невѣдѣнія, нехотѣвшаго наставить меня на путь истины». (**)

Кази-мулла, постигнувъ, какъ важно подобное приглашеніе, поспѣшилъ прибыть въ селеніе Параулъ, гдѣ, при свиданіи съ Мехти-шамхаломъ, получилъ дозволеніе проповѣдывать въ его владѣніяхъ шарріатъ.

Вскорѣ, большая часть Шамхальцевъ оказалась на его сторонѣ, чему не мало содѣйствовалъ отъѣздъ самаго шамхала въ Тифлисъ, куда онъ былъ вызванъ по нѣкоторымъ дѣламъ. Однако, при всемъ успѣхѣ, Кази-мулла не долго оставался въ шамхальствѣ, зная, что еще не настало время распространять власть свою на плоскости, откуда легко его можно было выгнать, и по этому поспѣшилъ обратно въ Гимры, именовъ Бога заклиная жи-

(*) Въ прочихъ обстоятельствахъ трудно было въ точности сохранить хронологію, такъ какъ источники, изъ которыхъ мы заимствовали описываемыя событія, вовсе не означаютъ времени, когда они совершались.

(**) Невѣровскій, «Военный журналъ» 1847 годъ, № 1-й.

телей не забывать его наставленій, а втайнѣ общалъ имъ скорую помощь, противъ общаго врага—Русскихъ.

Изъ Гимрѣ, онъ отправился въ общества Гумбетовское и Андійское. Гумбетовцы, давно ожидавшіе посѣщенія Кази-муллы, встрѣтили его съ восторгомъ. Дальнѣйшее шествіе его въ Андію было рядомъ неслыханныхъ торжествъ: отсюду стекались толпы горцевъ, вмѣстѣ съ своими семействами; народъ разстилалъ по дорогѣ свою одежду, цаловалъ руки и ноги фанатика и клялся ему безпрекословно повиноваться. Энтузіазмъ былъ всеобщій, глубокой и паразительный.

И такъ, къ концу 1829 года, т. е. въ то время, когда Россія побѣдоносно выходила изъ борьбы съ могущественнымъ государствомъ Азіи, въ глубинѣ Дагестана незамѣтно скоплялись горючіе матеріалы, грозившіе страшнымъ потрясеніемъ. Въ это время Кази-муллѣ повиновались Койсубу, Гумбетъ, Андія и другія мелкія общества по Андійской и Аварской Койсу; половина шамхальства и всѣ почти аварскія селенія, за исключеніемъ Хунзаха были на его сторонѣ; въ Андалаялѣ и Чечнѣ дѣйствовали его эмиссары. Въ случаѣ нужды, Кази-мулла могъ вывести до 15 т. пѣхоты и конницы, готовой на все по его мановенію.

Съ этого времени, подобно Магомету, онъ мечтаетъ о сліяніи мусульманскихъ племенъ Кавказа во-едино и о совершеніи такихъ подвиговъ, мысль о которыхъ даже въ магометанскомъ мірѣ считалась преданіемъ. Вотъ что раскрываетъ прапорщикъ Исаль-Магома, на сестрѣ котораго былъ женатъ Кази-мулла. При слѣдованіи въ Андію, Кази-мулла постоянно шелъ пѣшкомъ, увѣряя, что онъ все еще въ сомнѣніи, не грѣшно ли ему ѣхать; часто онъ останавливался, какъ будто прислушиваясь. На вопросъ Исаль-Магомы, что онъ дѣлаетъ, Кази-мулла отвѣчалъ: «Развѣ ты не слышишь? мнѣ чудится, продолжалъ онъ, шумъ цѣпей, въ которыхъ проводятъ предо мною Русскихъ!» Затѣмъ Кази-мулла присѣлъ на камень и съ оживленіемъ, столь рѣдкимъ въ этой холодной натурѣ, сталъ развивать свои предположенія объ изгнаніи Русскихъ съ Кавказа, и о движеніи къ Москвѣ.... «Когда возьмемъ ее, прибавилъ онъ, я пойду на Стамбулъ; если хунткарь (*) свято соблюдаетъ постановленія шарріата, мы его не тронемъ,—въ противномъ случаѣ, горе ему! Онъ бу-

(*) Хунткарь собственно кровопролитецъ и есть одинъ изъ титуловъ, придаваемыхъ султану.

детъ въ цѣпяхъ и царство его сдѣлается достояніемъ истинныхъ мусульманъ.» (*)

Неизвѣстно, въ это ли время родились подобные замыслы или прежде, но только Кази-мулла, по возвращеніи изъ Андіи, въ первый разъ ихъ торжественно высказываетъ въ Гимахъ. «Народъ, воскликнулъ онъ, вы не истинные мусульмане. Вы не вѣрили въ святой шарріатъ и не хотѣли повиноваться заповѣдямъ пророка, осквернивъ себя сношеніемъ съ гяурами. Говорю вамъ: доколѣ Дагестанъ попирается ногами Русскихъ, до тѣхъ поръ не будетъ вамъ счастья: солнце сожжетъ поля ваши, неорошенные небесною влагой; сами вы будете умирать какъ мухи и горе вамъ, когда предстанете на судъ Всевышняго; не блаженство, не райскія наслажденія васъ ожидаютъ, а вѣчныя, жестокія пытки ада:

«Я посланъ отъ Бога, чтобы спасти васъ. И такъ, во имя Его и пророка призываю васъ на брань съ невѣрными. Казаваť Рускимъ, казаваť всѣмъ, кто забываетъ вѣру и шарріатъ!

«Не жалѣйте ни себя, ни своихъ дѣтей и домовъ: вы не будете побѣждены, ибо правда за васъ. Кто отступится отъ меня, да будетъ проклятъ, и нѣтъ ему счастья ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни. Съ этой минуты, мы начинаемъ джихадъ и я буду вашимъ газіемъ. Готовьтесь!»

Слова эти, какъ нельзя лучше отвѣтивъ на задушевную мысль горцевъ, съ быстротой молніи облетѣли селенія, перешедшія на его сторону, и отовсюду вызвали охотниковъ стать подъ его знамена. Рѣшено было идти къ Хунзаху, дабы низвергнуть аварскаго хана и усилиться этимъ воинственнымъ народомъ. Дѣло въ томъ, что въ это время почти всѣ аварскія селенія уже втайнѣ сочувствовали Кази-муллѣ и ждали только появленія его полчищъ, чтобы открыто принять его сторону; но Хунзахъ, состоящій изъ 700 дворовъ, оставался вѣрнымъ своему законному хану и упорствовалъ признать ученіе фанатика.

Въ февралѣ 1830 года, Кази-мулла подступилъ къ Хунзаху съ 8,000 скопищемъ. Хунзахцы, ободряемые вдовствующею ханшею Паху-Бихе, матерью тогдашняго аварскаго хана Абу-Нуца-

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что Кази-мулла искренно былъ убѣжденъ въ возможности подобныхъ негѣпыхъ замысловъ. Москва и Константинополь казались ему не болѣе, какъ большими селеніями, въ родѣ Хунзаха, Унцукули и др. и слѣдовательно овладѣніе ими для него не было химерой.

ла, вооружились поголовно и окруживъ селеніе завалами, ожидали нападенія.

На разсвѣтѣ, непріятель, въ густыхъ массахъ, бросился на приступъ, но былъ отраженъ съ большимъ для себя урономъ. Этою минутою воспользовался Абу-Нуцаль: съ 2,000 наиболее храбрыхъ, онъ смѣло двинулся изъ-за заваловъ на скопище; непріятель не выдержалъ ихъ отчаяннаго натиска и обратился въ бѣгство, поражаемый побѣдителями. Потеря была ужасна.

За это дѣло, правительство наше пожаловало Аварцамъ Георгіевское знамя, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратило вниманіе на дагестанскія дѣла, начинавшія принимать серьезное направленіе. Первоначально рѣшено было наказать Гимры, принимавшія дѣятельное участіе въ мятежѣ Кази-муллы.

Собранный для этого отрядъ (4 баталіона, 5 сотенъ конницы и 8 орудій), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Розена, въ іюлѣ 1830 года, выступилъ съ линіи чрезъ Темиръ-Хань-Шуру къ Каранаяу, откуда пролегалъ кратчайшій доступъ къ Гимрамъ. Прибывъ на переваль Койсубулинскаго хребта, баронъ Розенъ остановился у вершины спуска къ Гимрамъ (*) и потребовалъ отъ жителей выдачи главнаго виновника дагестанскихъ смуть—Кази-муллу, который, между тѣмъ, подъ разными предлогами, удалился въ с. Балаканы (**). Гимринцы, угрожаемые близкою опасностію, немедленно дали аманатовъ и поклялись на вѣрность русскому правительству, но рѣшительно отказались выдать Кази-муллу, ссылаясь на его отсутствіе. Баронъ Розенъ, имѣя передъ глазами предстоящія трудности и нежелая жертвовать людьми изъ-за одного челоуѣка, захватить котораго еще быть можетъ и не удалось бы, удовольствовался покорностію жителей и отошелъ обратно на линію.

Несмотря на эту нерѣшительность первыхъ нашихъ дѣйствій, дѣла въ горахъ, послѣ хунзахскаго пораженія, приняли значительно лучшее направленіе. Гумбетъ и Андія, аварскія селенія и мелкія общества по Андійской и Аварской Койсу, рѣшительно отвергли Кази-муллу; Койсубулинцы явно роптали на него за потери, понесенныя ими подъ Хунзахомъ; даже въ Гимрахъ—ко-

(*) Отъ вершины спуска до селенія 10 верстъ и узенькая тропинка, нисходя въ глубину ущелья по обрывамъ скалъ, нерѣдко идетъ почти въ отвѣсномъ положеніи.

(**) Балаканы селеніе Койсубулинскаго общества, въ 30 верстахъ отъ Гимръ.

лыбели его ученія—образовалась партія недовольныхъ... Казалось, все благопріятствовало паденію фанатика, но только Кази-мулла былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко отказываются отъ разъ задуманныхъ ими плановъ.

Въ свою очередь, недовольный народомъ, жалодушно покидавшимъ его при первой неудачѣ, Кази-мулла рѣшился выйти изъ горъ, и въ мартѣ 1831 года, съ горстью наиболѣе ему преданныхъ людей, прибылъ въ шамхальство на урочище Чукмескентъ, отстоявшее въ 10-ти верстахъ отъ с. Темиръ-Ханъ-Шуры и въ 16—отъ Большихъ Казанищъ. Здѣсь, посреди дѣвственныхъ лѣсовъ, покрывающихъ подошвы Койсубулинскаго хребта, окруженный глубокими оврагами, онъ остановился, предоставляя дальнѣйшій успѣхъ своей воли Провидѣнію. Вскорѣ воззванія его разлетѣлись по шамхальству и привлекли въ станъ его многихъ воиновъ, одушевленныхъ, какъ и прежде, глубокою ненавистью къ Русскимъ.

Между прочими прибылъ въ Чукмескентъ братъ Мехти-шамхала, Ирази, скрывавшійся дотолѣ въ Чечнѣ, куда онъ принужденъ былъ бѣжать вслѣдствіе ссоры съ шамхаломъ. Передача его Кази-муллѣ была истиннымъ торжествомъ для послѣдняго, потому еще болѣе усилила волненіе, отозвавшееся теперь по всему шамхальству, за исключеніемъ деревень, лежащихъ по берегу моря и на дербентской дорогѣ. Особенно бунтовали Большія Казанищи, такъ, что расположенный тамъ нашъ баталіонъ (*) не могъ себя считать въ безопасности и вынужденъ былъ отступить на Кафырь-Кумыкскія высоты, въ 1½ верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Вскорѣ онъ былъ усиленъ тремя ротами, пришедшими съ линіи.

Кафырь-кумыкская позиція была выбрана весьма основательно. Она прикрывала непосредственно большую дорогу къ морю, а слѣдовательно препятствовала разлиться мятежу по мелкимъ селеніямъ на востокъ отъ нея; сближала отрядъ съ линіею и кр. Бурною, гдѣ были продовольственные запасы, и, наконецъ, по прибытіи подкрѣпленій, которыя въ составѣ 3-хъ баталіоновъ уже двигались съ линіи чрезу Казіуртъ и Тарки, отсюда всего удобнѣе было броситься въ тылъ Кази-муллѣ, еслибъ онъ на-

(*) Въ это время въ шамхальствѣ, кромѣ гарнизона крѣпости Бурной, былъ всего одинъ баталіонъ въ Большихъ Казанищахъ. Невѣровскій, «О началѣ безпокойствъ въ сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ.»

правился, какъ можно было предполагать, къ Параулу и другимъ селеніямъ, остававшимися спокойными.

Когда въ непріятельскомъ лагерѣ было получено свѣдѣніе о приближеніи баталіоновъ къ Таркамъ, Кази-мулла выступилъ изъ Чукмескента и, совершивъ быстрое обходное движеніе, расположился на Атлы-Ауюнскомъ перевалѣ (между с. Кафыръ-Кумыкомъ и моремъ). Позиція его, крѣпкая по природѣ, усиленная сверхъ сего завалами, препятствовала кратчайшему соединенію нашихъ войскъ.

Это положеніе многочисленнаго непріятеля, почти въ центрѣ населенія шамхальства, было весьма опасно; но одинъ рѣшительный ударъ могъ все поправить.... Къ сожалѣнію, предпринятая нашими войсками атака непріятельской позиціи неудалась, и мы принуждены были отступить съ потерей.

Тогда, пользуясь всеобщимъ одушевленіемъ, произведеннымъ нашею неудачею, Кази-мулла бросился на Параулъ, разграбилъ селеніе и сжегъ находившійся тамъ дворецъ шахмала. Отсюда скопище его потянулось къ Карабудахкенту; но быстрое движеніе ему въ тылъ отряда, предупредило гибель этого богатаго и многолюднаго селенія.

Не имѣя возможности дѣйствовать на дербентской дорогѣ, Кази-мулла двинулся къ Таркамъ и, ограбивъ селеніе, окружилъ Бурную. Крѣпость эта, основанная А. П. Ермоловымъ въ 1821 году, состояла изъ четырехъ-угольнаго вала, сложеннаго изъ камня и приспособленнаго къ ружейной и артиллерійской оборонѣ; гарнизонъ ея былъ незначителенъ.

Но эта неслыханная въ тѣ времена дерзость не сошла даромъ непріятелю: удачно пущенная нами граната попала въ пороховой погребъ, бывший внѣ крѣпостной ограды и около котораго густыми массами столпился неосторожный непріятель. Раздался взрывъ и мятежники, объятые ужасомъ, бѣжали оставивъ подъ стѣнами Бурной до 1,000 тѣлъ. Вслѣдъ за симъ подоспѣвшій отъ Карабудахкента отрядъ довершилъ пораженіе скопища. Спокойствіе возстановилось.

Шамхальцы не менѣе Лезгинъ малодушны: послѣ неудачи подъ Бурной, они разошлись по домамъ, забывъ Кази-муллу, а вмѣстѣ съ нимъ и несбыточныя надежды, которыя нѣсколько дней тому назадъ они считали уже почти осуществившимися. Съ своей стороны, Кази-мулла, понимая, что ему трудно, по крайней мѣрѣ теперь, удержаться въ шамхальствѣ, и призываемый Кумыками,

только что перешедшими на его сторону, Тавлинцами (*) и Чеченцами, прибылъ на уроч. Чумлы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости Внезапной, гдѣ и принялъ начальство надъ собравшимся тамъ скопищемъ. Предположено было осадить Внезапную, прикрывавшую выходъ изъ горъ по ущелью рѣки Акташа.

15-дневная осада Внезапной, въ теченіе которой горцы развили замѣчательную настойчивость, навсегда останется свидѣтелемъ геройскаго мужества гарнизона. Особенно тяжелы были послѣдніе дни осады, когда гарнизонъ, лишенный воды, въ июльскій зной, не сходилъ день и ночь съ вала и непрерывно принужденъ былъ отбиваться отъ непріятеля, который, постепенно подвигаясь подъ прикрытіемъ бревенчатыхъ щитовъ, уже былъ недалеко отъ гласиса. Наконецъ командующій войсками Кавказской линіи генераль Эммануэль, съ 2000 пѣхоты, 800 конницы, при 12 орудіяхъ, подошелъ на выручку Внезапной. Прибытіе его отряда заставило горцевъ поспѣшить отступленіемъ: часть скопища бросилась къ Балтугаю, другая прямо потянулась въ горы, вверхъ по Акташу. Вслѣдъ за послѣднею колонною устремился генераль Эммануэль: но неосторожно вдавшись въ дремучіе лѣса Ауховскаго общества, онъ испыталъ пораженіе и, потерявъ орудіе, едва отступилъ къ Внезапной.

Торжествуя успѣхъ, Кази-мулла возвратился въ Чукмескентскій лагерь, куда вскорѣ явились депутаты изъ Табасарани и Кайтага, призывавшіе его на освобожденіе ихъ земли. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было новое, замѣчательное по своей дерзости, предпріятіе Кази-муллы—движеніе къ Дербенту.

Восемь дней Кази-мулла держалъ Дербентъ въ блокадѣ, пока прибывшій туда отрядъ не заставилъ его отступить. Конечно, попытка эта не могла быть страшна Дербенту, окруженному прочными, вѣковыми стѣнами, далеко уходящими въ море; но тѣмъ не менѣе, она доказывала уже значительно увеличившуюся силу непріятеля, пропорціонально которой развивалась и его дерзость. Это самое побудило кавказское начальство приступить къ болѣе энергическимъ мѣрамъ. Предположено было немедленно открыть наступательныя дѣйствія въ Дагестанъ съ двухъ сто-

(*) Тавлинецъ значитъ горецъ (отъ слава тау-гора); но подъ этимъ названіемъ преимущественно подразумѣваютъ жителей сѣверной покатости Андійскаго хребта (Салатаевцевъ, Ауховцевъ, Ичкеринцевъ и проч.) и мы называемъ ихъ такъ въ отличіе отъ горцевъ Лезгинъ, обитателей Дагестана.

ронъ: отъ Дербента и съ Кавказской линіи. Собранный съ этою цѣлью, въ концѣ сентября 1831 года, отрядъ у Дербента, изъ 3,500 пѣхоты, 3,000 конницы, при 20 орудіяхъ, подъ начальствомъ тогдашняго главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ, генералъ-адъютанта Панкратьева, вторгнулся въ Кайтагъ, взялъ и раззорилъ селеніе Дювекъ, гнѣздо общаго волненія и замѣчательно крѣпкое по своему положенію посреди лѣсистыхъ горъ. Гибель Дювека, показавъ, что ни лѣса, ни самая неприступность жилищъ не въ состояніи спасти отъ справедливаго мщенія Русскихъ, заставила Кайтагцевъ смириться. Успокоивъ столь важный край для нашихъ сообщеній съ Дербентомъ, генералъ Панкратьевъ двинулся въ шамхальство, гдѣ волненіе, поддержанное всѣми силами мюридовъ, снова было въ полномъ разгарѣ.

Одновременно съ нимъ, со стороны линіи, вступилъ въ сѣверный Дагестанъ другой отрядъ (2,500 пѣхоты, 500 кавалеріи при 22 ор.), подъ начальствомъ генерала Вельяминова, и направился къ Чирь-Юрту, наполненному партіями Кази-муллы. 19 октября это селеніе, послѣ кровопролитнаго штурма, было взято и непріятель разсѣянъ, а отрядъ нашъ, обремененный значительною добычею и не могшій, по этой причинѣ, продолжать дальнѣйшаго наступленія въ Дагестанъ, принужденъ былъ возвратиться на Терекъ (*). Тѣмъ временемъ, генералъ-адъютантъ Панкратьевъ прибылъ въ шамхальство и разсѣявъ (23 октября), вблизи селенія Эрпелей, 5,000 скопище, предводимое Амалать-бекомъ Кумтеркалинскимъ, двинулся къ Чиркею, многолюдному селенію Салатовскаго общества, болѣе прочихъ обнаружившему волненіе. Но Чиркеевцы, имѣя въ виду недавнее раззореніе Чирь-Юрта и не желая рисковать своимъ селеніемъ и въ особенности прекрасными его садами, вышли съ покорностію. Раскаяніе ихъ, хотя и ненадежное, было принято, ибо разныя обстоятельства принуждали генералъ-адъютанта Панкратьева къ безотлагательному возвращенію въ Тифлисъ.

Съ своей стороны, Кази-мулла, избѣгавшій прямого столкновенія съ нашими отрядами, готовился въ это время къ болѣе серьезному предпріятію. Распустивъ ложные слухи на счетъ своихъ намѣреній и успѣвъ занять Вельяминова въ Чечнѣ, самъ, 1 ноября, съ конницей, набранной изъ Тавлинцевъ, Чеченцевъ и

(*) Генералъ Вельяминовъ предполагалъ сдать на Терекъ добычу и плѣнныхъ и на легке снова вторгнуться въ Дагестанъ.

Кумыковъ, бросился къ Кизляру, сжегъ и разграбилъ городъ, населенный по большей части Армянами—торгашами. Встревоженный Вельяминовъ устремился по слѣдамъ хищниковъ, но уже Кази-мулла успѣлъ уйти въ горы и торжествующій прибылъ въ Чукмескентъ, куда по прежнему стали собираться Шамхальцы, Койсубулинцы, даже Аварцы и другіе, привлекаемые успѣхами и жаждой къ добычѣ.

Какъ пребываніе Кази-муллы въ Чукмескентѣ снова могло грозить безпорядками, то оставшійся начальникомъ войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ полковникъ Миклашевскій, 1-го декабря, атаковалъ непріятельскую позицію и послѣ кровопролитной сѣчи успѣлъ овладѣть завалами. Мятежники разсѣялись, но много храбрыхъ легло съ нашей стороны и самъ герой дня—Миклашевскій, заплатилъ жизнью за это смѣлое и рѣшительное дѣло.

Въ слѣдующемъ, 1832 году, Кази-мулла снова было пытался утвердиться въ шамхальствѣ, но пораженный отрядомъ полковника Клюки-фонъ-Клугенау, между селеніями Эрпели и Каранай, гдѣ занималъ крѣпкую позицію на урочищѣ Эльсутъ, едва успѣлъ спастись въ Гимры.

Оставалось затѣмъ наказать Гимры, обѣщавшія не принимать Кази-муллу и нынѣ снова нарушившія это обѣщаніе. Для этого отрядъ генерала Вельяминова былъ усиленъ до 8,000 и къ нему прибылъ корпусный командиръ генералъ-адъютантъ баронъ Розень. Пройдя предварительно Чечню и наказавъ жителей за участіе ихъ въ набѣгахъ, генералъ Розень сосредоточилъ отрядъ у Темиръ-Ханъ-Шуры, откуда двинулся къ Гимрамъ. Кази-мулла опять было имѣлъ намѣреніе оставить селеніе, но жители удержали его, говоря: «ты умѣлъ вооружить насъ противъ Русскихъ, научи же теперь и драться съ ними» (*).

Ни трудный спускъ, карабкающійся по скаламъ на пространствѣ десяти верстъ, ни грозный видъ Койсубулинскаго ущелья не могли остановить мужество отряда, лично предводиимаго корпуснымъ командиромъ. 17-го октября, войска, преодолевъ неслыханныя затрудненія, подступили къ Гимрамъ и съ нѣсколькихъ сторонъ ворвались въ селеніе. Кровопролитный бой кипѣлъ по улицамъ и въ домахъ. Артиллерія громила сакли, погребавшія подъ развалинами наиболѣе упорныхъ; все, что успѣло спастись отъ камней, гибло подъ штыками разъярен-

(*) Невѣровскій, «Военный журналъ» 1847 годъ, томъ 1-й, стр. 115.

ныхъ солдатъ. Послѣ четырехчасовой свалки, полуразрушенное, заваленное трупами селеніе было занято. Тогда Кази-мулла, лично ободрившій сражающихся, съ нѣсколькими уцѣлѣвшими мюридами перешелъ въ башню, рѣшившись защищаться на смерть.

Когда же и башня — послѣдній оплотъ Гимръ—была окружена, Кази-мулла обратился къ сидѣвшему возлѣ него Шамилю съ словами : «Ты неоднократно говорилъ мнѣ, что желалъ бы попасть въ рай, умирая на казаватѣ; вотъ прекрасный случай: иди и сразись съ Русскими!» Но Шамиль въ грубыхъ выраженіяхъ отказался, упрекая Кази-мудлу въ несчастіи, постигшемъ ихъ и цѣлое безвинное селеніе. Неудостоивъ Шамиля ни малѣйшимъ на это возраженіемъ, Кази-мулла предложилъ тоже самое другому, горячо имъ любимому мюриду, по имени Магома-султану. Мюридъ, повидимому, только и ждалъ этого: обнаживъ шашку, подобно льву, онъ ринулся изъ башни и, нанеся нѣсколько тяжелыхъ ударовъ, палъ въ свою очередь подъ штыками солдатъ.

Благословивъ его смерть, Кази-мулла рѣшился на отчаянную вылазку, съ тѣмъ, чтобы пробиться въ горы. Дѣйствительно, нѣкоторымъ изъ окружающихъ его, а въ томъ числѣ и Шамилю, удалось спастись; но самъ Кази-мулла былъ окруженъ, получилъ нѣсколько ранъ и все еще продолжалъ отчаянно защищаться, пока новые удары не повергли его бездыханнаго на землю.

Таковъ былъ конецъ перваго имама Чечни и Дагестана. Кази-мулла принялъ этотъ титулъ въ знакъ того, что считалъ себя первымъ наставникомъ горскаго духовенства. Собственно имамъ значить глава духовныхъ.

Конечное раззореніе Гимръ, гибель многихъ храбрѣйшихъ людей въ продолженіи войнъ Кази-мудлы, опустошенія, произведенныя нашими отрядами въ Чечнѣ и сѣверномъ Дагестанѣ, повидимому, должны были открыть горцамъ глаза, показавъ имъ съ одной стороны невозможность войны съ Русскими, съ другой, изобличивъ обманъ Кази-мудлы, постоянно увѣрявшаго ихъ въ легкости торжества надъ нами. И дѣйствительно, еще при жизни его нашлись благоразумные люди, которые старались пріостановить всеобщій порывъ энтузіазма, совѣтуя народу жить спокойно, не ссорясь съ Русскими. Въ опроверженіе воззваній Кази-мудлы, приводили мѣста изъ Корана, гдѣ запрещалось вести казаватъ противу сильнѣйшаго и гдѣ, во избѣжаніе бесполез-

наго истребленія мусульманъ, Магометъ совѣтуетъ лучше покориться. Джамаль-эддинъ Казикумухскій, известный ученый и первый мирза Асланъ-хана, неоднократно упрекалъ Кази-муллу за возбужденіе народа къ возстанію. «За чѣмъ ты,—писалъ ему Джамаль,—собираешь войска и беспокоишь мусульманскую землю; Русскіе теперь оставляютъ насъ въ покоѣ, а ты устраиваешь такъ, что они и послѣдній лоскутъ земли у насъ отымутъ». Но Кази-мулла не внялъ благоразумному совѣту и, отвѣтивъ Джамалу, «что не ему приходится учить его, что онъ домождь, связавшійся съ гяурами и слѣдовательно о поступкахъ его судить не можетъ» (*), продолжалъ дѣйствовать по своему и жестоко наказывалъ противившихся. Казни, произведенныя имъ въ Чечнѣ, устрашали слабѣйшую и большую часть населенія, а пылкія рѣчи и мнимая святость, искусно и кстати употребляемая, дѣйствовали на болѣе сильныя натуры и подчиняли ихъ волѣ фанатика. Поступая такимъ образомъ, Кази-мулла повсюду имѣлъ людей, которые его любили и боялись, и легко набиралъ скопища. Но при всемъ томъ напряженіе, въ которое онъ подъ конецъ поставилъ горское населеніе, сдѣлалось до такой степени невыносимымъ, что наиболѣе ревностные поклонники его стали имъ тяготиться и конечно смерть его должна бы разомъ потушить вражду, если бы не странный случай, дѣйствительный только при фанатизмѣ мусульманъ, не измѣнилъ всеобщаго настроенія умовъ. Приведемъ здѣсь слова г. Невѣровскаго («Воен. Журн.» 1847 года, томъ I, стр. 116):

«Смерть Кази-муллы произвела сильное впечатлѣніе на горцевъ. Причиною тому послужило одно обстоятельство, на первый взглядъ совершенно ничтожное: тѣло его было найдено въ такомъ положеніи, что одною рукою онъ держался за бороду, а другою указывалъ на небо; помнѣнію же мусульманъ, это есть именно то самое положеніе, въ которомъ можетъ быть только праведникъ, въ минуту самыхъ теплыхъ своихъ молитвъ, когда онъ возносится духомъ до постиженія могущества Всевышняго. А потому горцы, увидѣвъ трупъ Кази-муллы, начали раскаиваться въ своемъ поведеніи и упрекали себя за то, что не подали ему помощи.»

(*) Въ заключеніе письма, Кази-мулла прибавилъ: «Знай, Джамаль, что во имя Бога я охотно пожертвую жизнію, тѣмъ паче не задумаюсь бросить мышамъ послѣдній кусокъ хинкала». Этою фразою Кази-мулла возражалъ на замѣчаніе Джамала, что «русскіе и послѣдній лоскутъ земли отымутъ».

Такимъ образомъ, Казимулла, умирая, случайно оставляетъ въ сердцахъ всѣхъ глубокое раскаяніе, достаточно могучее, чтобы воскресить его идеи; и на самомъ дѣлѣ, горцы снова не прочь отъ войны и ждутъ только смѣлаго предводителя. Въ потеряхъ они видятъ залогъ искупленія за ихъ робость и малодушіе и надѣются на лучшее, а надежда такъ сродна человѣческому сердцу, что во всѣхъ обстоятельствахъ легко возбуждается; разъ же возбудишь ее, человѣкъ не останавливается ни передъ какими убѣждениями разума.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти Казимуллы, и какъ будто въ отвѣтъ всеобщему тайному ожиданію, является новый пріемникъ власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предначертаній погибшаго имама. Но то былъ человѣкъ иного рода, безпокойный, дѣятельный, пылкій, дерзкій и предприимчивый въ удачѣ; медленный и апатичный, когда дѣло требовало холодныхъ расчетовъ; человѣкъ съ качествами авантюриста, неопѣненный руководитель второстепенныхъ предпріятій и ничтожный какъ самостоятельное лицо. Мы говоримъ о Гамзатъ-бекѣ.

Гамзатъ-бекъ родился въ 1789 г., въ аварскомъ селеніи Новый Гопатль. Отецъ его принадлежалъ къ хорошему роду и былъ особенно уважаемъ за свой умъ, храбрость и вѣрную службу.

По достиженіи 12-ти лѣтняго возраста, молодой Гамзатъ былъ отданъ на воспитаніе въ селеніе Чохъ, Андаляскаго общества, къ тамошнему муллѣ Магомету-эффенди. Гамзатъ учился хорошо, скоро схватывалъ премудрыя толкованія Корана, но не былъ усидчивъ и вовсе не общался съ дѣлаться впоследствии ученымъ человѣкомъ.

Окончивъ ученіе, онъ вернулся на родину и женился, но какъ характеръ его вовсе не согласовался съ монотонною жизнью горцевъ, онъ началъ пить, надѣясь хоть этимъ заглушить пожиравшую его тоску.

Однажды дядя Гамзата, Имамъ-али, сказалъ ему: «ты производишь отъ бековъ, твой отецъ былъ храбрый человѣкъ и дѣлалъ много добра Аварцамъ, а ты не только не хочешь послѣдовать его примѣру, но предался еще разврату. Взгляни на дѣла Казимуллы, простаго горца, и вспомни, что ты знатнѣе его родомъ и не менѣе его учился» (*).

(*) Невѣровскій, «Еозинный журналъ» 1848 года, томъ III, стр. 3.

Слова эти сильно затронули самолюбіе Гамзата; онъ задумался, потомъ осѣдлалъ лошадь, простился съ семействомъ и выѣхалъ изъ Гопатля, не сказавъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ.

Съ этой минуты судьба его была рѣшена: онъ отправился къ Кази-муллѣ и былъ принятъ имъ съ распростертыми объятіями, потому что для послѣдняго было весьма важно имѣть въ числѣ своихъ послѣдователей людей, знатныхъ по рожденію.

Способности Гамзата сразу были оцѣнены Кази-муллою и вскорѣ послѣ хунзахскаго пораженія, онъ поручилъ ему волновать общества, лежація на югъ и юго-западъ отъ Аварской Койсу, надѣясь съ этой стороны имѣть опору для будущихъ дѣйствій.

Гамзатъ съ радостію принялъ предложеніе, такъ какъ роль отдѣльнаго начальника болѣе согласовалась съ его характеромъ, чуждымъ зависимости, прибылъ въ Гопатль и сдѣлалъ воззваніе, на которое охотно стеклись горцы изъ Андаляла, Караха, Гидатля и Тлессеруха. Призываемый въ тоже время Джарцами, Гамзатъ, съ набранной вольницей, перешелъ Кавказскій хребетъ и появился въ нынѣшнемъ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ, мечтая о большихъ предпріятіяхъ. Но вскорѣ, проекты его рушились самымъ неожиданнымъ образомъ: Джарцы были разбиты Русскими и Гамзату оставалось только отсгупить поскорѣе черезъ хребетъ, уже покрытый снѣгомъ. Вѣроятно, не желая показаться на родинѣ съ неудачею, Гамзату пришла на умъ странная идея, сдѣлать предложеніе русскому правительству о назначеніи ему пожизненнаго пенсіона, взявънъ чего онъ обѣщался тотчасъ же распустить скопище и не тревожить болѣе нашихъ предѣловъ. Предложеніе это возбудило смѣхъ, и Гамзата, лично прибывшаго на переговоры, заарестовали какъ мятежника и отправили въ Тифлисъ подъ конвоемъ. Но случайная неволя его продолжалась не долго и онъ вскорѣ былъ освобожденъ по ходатайству Асланъ-хана казикумухскаго, взявшаго его себѣ на поруки.

Такимъ образомъ, авантюристъ снова очутился посреди горъ, болѣе прежняго недовольный своимъ положеніемъ. Первымъ дѣломъ его по освобожденіи было отправиться въ Кумухъ и благодарить хана за его ходатайство.

Здѣсь, разсуждая о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ горахъ, оба сходились только въ сильной ненависти къ дому аварскихъ хановъ. Но причины этой ненависти были совершенно различны у того и другаго.

Гамзатъ-бекъ, полный идей Кази-муллы, ненавидѣлъ аварскій домъ за сношенія ихъ съ Русскими, за бывшее и теперь еще не совсѣмъ утраченное въ горахъ и которое снова могло воскреснуть; наконецъ за ихъ силу, которая, будучи удачно нами направлена, могла окончательно подавить успѣхи фанатиковъ. Все это Гамзатъ отлично понималъ и въ минуту одушевленнаго рзсказа громко поклялся истребить враждебный мюридамъ домъ, если представится къ тому возможность.

Асланъ-ханъ ненавидѣлъ аварскій домъ вслѣдствіе личнаго, кроваваго оскорбленія. Еще недавно, онъ сваталъ дочь Пахубике и сестру Нуцаль-хана—прекрасную Султанету, перль дагестанскихъ красавицъ, за сына и наследника своего Магометъ-Мирзу-хана и получилъ согласіе. Когда же за Султанету посватался нынѣшній шамхаль Абу-Муселимъ-ханъ, ханша Пахубике разочла, что послѣдній женихъ богаче, сильнѣе и ближе къ Аваріи и слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе перваго, измѣнила свое намѣреніе и выдала Султанету за шамхала. Асланъ-ханъ молча перенесъ оскорбленіе и молча же поклялся отмстить ненавистному ему дому.

При томъ, паденіе династіи аварскихъ хановъ было необходимо обоимъ, но тоже вслѣдствіе противоположныхъ причинъ.

Гамзатъ-бекъ видѣлъ въ томъ залогъ свободы; уже только чуя ее инстинктивно, поздри его расширялись и онъ въ сладкомъ забытьѣ мечталъ, какъ мюриды его вольно будутъ расхаживать по роднымъ ущельямъ Дагестана, сзывая горцевъ на брань съ невѣрными, какъ потомъ скопища ихъ, по его мановенію, будутъ летѣть въ ту или другую сторону. И передъ нимъ во всемъ блескѣ рисовалась приманчивая картина самовластія, не омрачаемая ни заботами правленія, ни отвѣтомъ передъ совѣстію.

Асланъ-ханъ думалъ иначе. Онъ видѣлъ въ паденіи аварскаго дома увеличеніе своего могущества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостоянія. Онъ зналъ хорошо, что Русскіе не оставятъ это дѣло такъ, и что ему, какъ опытному человѣку, поручатъ управление Аваріею, въ случаѣ гибели ея хана. Тогда, прибравъ къ своимъ рукамъ Андалая и другія общества, разъединяющія его владѣнія отъ Аваріи, онъ сдѣлался бы могущественнѣе самаго Омаръ-хана аварскаго, героя Лезгинъ. Тогда бы онъ явился настоящею грозою мюридовъ и, задушивъ ихъ, приобрѣлъ бы полное право на благодарность Русскихъ, и могъ при случаѣ сдѣлать намъ

выгодное для себя предложеніе. Такъ рассчитывалъ онъ и расчетъ хитраго старика чуть-чуть было не удался (*).

Условившись во взаимномъ содѣйствіи, Гамзатъ-бекъ и Асланъ-ханъ растались, оба волнуемые противоположными надеждами, оба съ нетерпѣніемъ ожидавшіе случая, который бы далъ имъ возможность выполнить ихъ преднамѣренія.

Слѣдующія затѣмъ подвиги Гамзатъ-бека, до смерти Кази-муллы, не заслуживаютъ вниманія. Онъ предпринималъ вторично походъ къ Закаталамъ; но походъ этотъ былъ еще неудачнѣе перваго. Затѣмъ онъ вернулся къ Кази-муллѣ, участвовалъ въ дѣйствіяхъ его на плоскости, дрался въ Чукмескентѣ противъ Миклашевскаго и, едва избѣгнувъ смерти, вернулся въ Гоцатль, гдѣ оставался въ бездѣйствій до взятія Гимрѣ.

Какъ было уже сказано, гибель Кази-муллы не остановила всеобщаго порыва энтузіазма и по прошествіи съ небольшимъ полугода, Гамзатъ-бекъ торжественно объявляетъ себя его пріемникомъ. Отсутствие соперниковъ, искусное шарлатанство, всегда дѣйствительное въ этомъ простомъ народѣ, и значительныя денежныя суммы, переданныя ему какъ имаму матерью Кази-муллы, не мало содѣйствовали его успѣху.

Достигнувъ власти, Гамзатъ рѣшается приступить къ осуществленію давно задуманнаго плана—овладѣнію Аваріею. Но чтобы замышляемое имъ предпріятіе не подверглось какимъ нибудь случайностямъ, онъ усиливаетъ себя вольными обществами, окружающими это ханство, и которыя, будучи сами по себѣ ничтожны, въ совокупности могли образовать грозную силу. Койсубулинцы, Гумбетовцы и Андійцы, участвовавшіе въ мятежѣ перваго имама, пристають къ нему добровольно; Андалялцы, осмѣлившіеся ему противиться, были разбиты на голову подъ Руджею и волею и неволею должны были принять его сторону. Затѣмъ, остальные общества, по рѣкамъ Андійской и Аварской Койсу, по ничтожности своей никогда не пользовавшіяся самостоятельностью, присоединяются къ Гамзату отчасти изъ примѣра, отчасти изъ страха. Такимъ образомъ, менѣе, чѣмъ въ годъ, Аварія, подобно острову, была со всѣхъ сторонъ охвачена непріятелямъ, силы котораго простирались свыше 20,000 вооруженныхъ.

Кавказское начальство, предвидя послѣдствія, могущія произойти отъ столь быстрого распространенія могущества новаго

(*) Онъ умеръ и сынъ его, далеко необладавшій качествами отца, получилъ въ управленіе Аварію по смерти Нуцаль-хана.

имама, рѣшается принять противъ этого мѣры, сохраняя въ то же время свои силы, какъ резервъ, на случай новыхъ попытокъ горцевъ противъ плоскости. На этомъ основаніи, въ концѣ 1833 года, былъ составленъ союзъ изъ шамхала, Мехтулинскаго хана и Акушинскаго кадія, и совокупныя силы ихъ, подъ предводительствомъ перваго, были двинуты въ горы для обузданія Гамзата. Но, встрѣченное горцами у Гергебиля, ополченіе это было отброшено назадъ, съ значительною потерею, а побѣда гергебильская еще болѣе упрочила вліяніе Гамзата.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда наступилъ 1834 годъ, памятный по своимъ событіямъ.

Утвердивъ окончательно свою власть въ обществахъ, лежащихъ на западѣ и юго-западѣ отъ Аваріи, Гамзатъ въ августѣ мѣсяцѣ, съ десятитысячнымъ скопищемъ, подступилъ къ Хунзаху. Вся Аварія, за исключеніемъ столицы, была уже на его сторонѣ, да и сами Хунзахцы только для виду вооружились, нисколько не вѣря въ возможность сопротивленія имаму и даже втайнѣ сочувствуя ему. Тщетно ханша старалась, какъ и во время Казимуллы, ихъ одушевить, но уже не встрѣтила ни прежней довѣренности, ни прежняго энтузіазма, тщательно потушенныхъ двухлѣтними происками Асланъ-хана (*) и Гамзата. Тогда не оставалось ничего болѣе какъ вступить въ переговоры съ противникомъ, на сторонѣ котораго были и сила и убѣжденіе, и въ лагерь Гамзата былъ отправленъ посоль съ предложеніями аварскаго хана. Въ этихъ предложеніяхъ Абу-Нуцалъ объясняетъ, что онъ самъ, все его семейство и народъ, готовы принять сторону имама во всемъ, что касается религіи, но рѣшительно отказывается отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Русскихъ, какъ не обѣщающихъ имъ ничего, кромѣ гибели. При этомъ ханъ просить

(*) Какъ примѣръ интригъ, можно привести слѣдующее. Асланъ-ханъ въ письмѣ къ ханшѣ Паху-бике между прочимъ говоритъ: «не стыдно ли тебѣ, ханша, отвергать этихъ почтенныхъ людей (мюридовъ). Мехти-шамхалъ, я и другіе владѣтели Дагестана признаемъ ихъ заслуги передъ Богомъ, а ты одна упорствуешь. Смирись, говорю тебѣ, и послѣдуй нашему примѣру» Письмо это, по приказанію Асланъ-хана, было съ умысломъ обронено по дорогѣ къ Хунзаху. Жители его нашли, прочитали и вознегодовали на ханшу, полагая, что и въ самомъ дѣлѣ Асланъ-ханъ говоритъ тамъ искренно. вмѣстѣ съ этимъ подоспѣли прокламаціи Гамзата, гдѣ онъ увѣряетъ, что всѣ, кромѣ Аварцевъ, уже на его сторонѣ, и что Паху-бике, связавшись съ Русскими, погубитъ себя и свой народъ.

Гамзата прислать къ нему надежнаго человѣка, для выслушанія его условій:

Но Гамзату не того хотѣлось. Выслушавъ присланное предложеніе, онъ объявилъ, что подобнаго увѣренія со стороны кака онъ считаетъ недостаточнымъ ни для себя, ни для войска, которое, въ теченіе многихъ лѣтъ, проливаетъ кровь свою во славу религіи. «А поэтому, прибавилъ онъ, я требую, чтобы ханъ лично прибылъ въ мой лагерь и въ присутствіи всѣхъ присягнулъ на Керанѣ, въ вѣрности и незыблемости своихъ обѣщаній. Въ противномъ случаѣ, я не ручаюсь за послѣдствія».

Когда посланный, вернувшись, доложилъ Абу-Нупалу объ требованіяхъ Гамзата, всѣ были одинаково поражены неслыханною ихъ дерзостію. Но тѣмъ не менѣе, ничего не оставалось дѣлать, какъ повиноваться, или ввѣрять судьбу свою бою, успѣхъ котораго былъ весьма сомнителенъ. На собранномъ по этому случаю совѣщаніи рѣшено было, чтобы Абу-Нупалъ-ханъ вмѣстѣ съ братьями своими Умма и Булачемъ отиравлялись въ лагерь Гамзата.

Кто могъ подумать, чтобы священная особа хановъ была бы въ опасности и чтобы человѣкъ, еще такъ недавно именовавшійся слугою ихъ, дерзнулъ на какое нибудь насиліе! Между тѣмъ въ лагерь бунтовщиковъ ждали ихъ убійцы.

Встрѣченные съ восточнымъ раболѣніемъ, несчастные ханы, все еще не подозрѣвая ничего, вступили въ налатку предателя, какъ внезапно раздавшійся выстрѣлъ ранилъ Умма-хана. То былъ сигналъ къ убійству, и вскорѣ оба хана пали мертвыми, къ ногамъ Гамзата; младшій изъ братьевъ, Булачъ-ханъ, имѣвшій не болѣе 8 лѣтъ, былъ пощаженъ.

Въ тотъ же день, Хумзахъ былъ взятъ мюридами и Гамзатъ-бекъ торжественно вступилъ въ жилище нѣкогда громаднаго Омаръ-хана аварскаго.

Но преступленіе на этомъ не остановилось. На другой день по занятіи Хумзаха были умерщвлены, по приказанію Гамзата, ханша Паху-бике и полковникъ Сурхай-ханъ, тотъ самый, который управлялъ Аварією за молодѣтствомъ Нупалъ-хана. Осталась въ живыхъ старуха Хистоманъ-бике, бабка Нупалъ-хана, жена его Гайбатъ-бике, потому что была беременна (*), и Булачъ-ханъ, от-

(*) По обычаямъ горцевъ, нельзя убивать беременныхъ женщинъ. Это считается величайшимъ преступленіемъ, потому что вмѣстѣ съ этиаъ гибнетъ и невняное твореніе, заключающееся въ утробѣ матери.

правленныи въ селеніе Новый Гочатль. Участь послѣдняго была еще не рѣшена.

Такимъ образомъ, неудавшееся предпріятіе Казы-муллы было успѣшно выполнено Гамзатомъ и съ паденіемъ аварскихъ хановъ уже не представлялось болѣе препятствій дальнѣйшему развитію въ горахъ силы, возбужденной первымъ имамомъ.

Утвердившись въ Хунзахѣ, Гамзатъ не остался въ бездѣйствіи и, собравъ значительное скопище, устремился противъ непризнавашаго его власти Цудахарскаго общества, чтобы въ тоже время, покореніемъ его и сосѣдняго съ нимъ Акушинскаго, открыть себѣ свободный доступъ къ Дербенту. Цудахаръ и Акуша, имѣя около 40,000 жителей и занимая средину при-каспійскаго Дагестана, не только сохранили свою независимость, но даже поставили себя въ грозный нейтралитетъ, такъ что при всякихъ сколько нибудь важныхъ столкновеніяхъ въ Дагестанѣ, вмѣшательство ихъ давало рѣшительный перевѣсъ той сторонѣ, въ пользу которой они склонялись. Это самое вселило въ нихъ высокое понятіе о своемъ могуществѣ, и разумѣется заставляло дожить своею независимостію.

Первыя дѣйствія Гамзата были довольно успѣшны и ему удалось занять нѣкоторыя изъ пограничныхъ цудахарскихъ селеній; Между тѣмъ Цудахарцы опомнились, вооружились поголовно и, призвавъ на помощь своихъ сосѣдей Акушинцевъ, въ огромныхъ массахъ вышли на встрѣчу непріятеля. Въ происшедшемъ вблизи селенія Цудахара сраженіи, Гамзатъ былъ разбитъ на голову и едва спасся, преслѣдуемый до Салтинскаго моста. Большая часть его скопища была истреблена побѣдителями.

Пораженіе Гамзата, до сихъ поръ счастливаго, произошло въ горахъ весьма невыгодное впечатлѣніе и многія изъ обществъ отъ него отложились. Но отчаянный искатель приключеній, по-видимому, не обращалъ на это никакого вниманія, продолжалъ спокойно жить въ Хунзахѣ, разыгрывая роль аварскаго хана и собираясь наказать Цудахарцевъ и Акушинцевъ. Между тѣмъ, всеобщее неудовольствіе, къ тому же еще и возбуждаемое его деспотическими мѣрами, продолжало расти сильнѣе и сильнѣе и въ самомъ Хунзахѣ вспыхнулъ заговоръ, слѣдствіемъ котораго было умерщвленіе похитителя престола аварскихъ хановъ. Гамзатъ-бекъ былъ убитъ въ мечети 19 сентября 1834 г., Хунзахцемъ Османомъ, братомъ Хаджи-Мурата, извѣстнаго впоследствии предводителя мюридовъ.

Какъ ни кратковременно было поприще втораго имама, тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ причинить зло неизгладимое. Если Казимудла первый пробудилъ въ горцахъ духъ фанатизма и, связавъ ихъ воедино, указалъ имъ возможность бороться съ Русскими, то Гамзатъ-бекъ, истребивъ аварскихъ хановъ, устранилъ окончательно всякое препятствіе для этой связи. Пока въ Аваріи существовала ханская власть, мы безъ труда могли господствовать въ горахъ и притомъ чисто нравственными средствами, что всегда прочнѣе оружія, успѣхъ котораго часто бываетъ переменчивъ. Аварскіе ханы, связанные родственными узами съ шамхальскимъ и мехтулинскимъ домами, и привлекаемые на нашу сторону положительными выгодами, подобно имъ, обратились бы въ вѣрныхъ и преданныхъ слугъ; а въ этомъ не было никакого сомнѣнія, потому что аварскій домъ, по смерти Султанъ-Ахметъ-хана (бунтовавшаго во времена А. П. Ермолова), обнаруживалъ къ намъ самую неліцемерную преданность. Для большаго же успѣха можно было усилить значеніе аварскаго хана, дать ему средство содержать пышный дворъ и награждать существеннымъ образомъ наиболѣе себя преданныхъ; все это не могло дорого стоить, а между тѣмъ послѣдствія обнаружили бы, до какой степени могла быть намъ полезна Аварія. Опираясь на нее, мы рѣшительно господствовали бы въ горахъ и она, по нашему приказанію и въ случаѣ нужды поддержанная войсками, всегда была бы на готовѣ устремиться противъ того или другаго изъ обществъ Дагестана; а это тѣмъ болѣе было важно, что по причинѣ мѣстныхъ преградъ, оружіе наше не могло всюду досягать. Впослѣдствіи, и какъ будто въ оправданіе этой мысли, мы заняли Аварію; но уже не могли тамъ удержаться, ибо не было той силы, которая одна въ состояніи была образовать прочную связь между войсками и народомъ, поселивъ въ нихъ взаимную довѣренность, безъ которой немогло быть успѣха.

По первому извѣстію о смерти Гамзатъ-бека, Шамхаль, съ 200 преданныхъ мюридовъ, бросился въ селеніе Новый Годатль и, захвативъ бывшую тамъ казну покойнаго имама, объявилъ себя его пріемникомъ. Содержащійся въ Новомъ Годатлѣ, малолѣтній Булачъ-ханъ тоже не былъ забытъ Шамхалемъ: онъ приказалъ его сбросить со скалы въ глубокую пропасть Койсу.

Эти два рѣшительные поступка, т. е. овладѣніе сокровищами Гамзатъ-бека, о которыхъ между горцами ходили преувеличенные слухи, и убіеніе послѣдняго представителя аварскихъ ха-

ночь, возымѣли свое дѣйствіе: Шамиль безпрекословно былъ признанъ имамомъ.

Достигнувъ давно желаннаго могущества, Шамилю предстояло, прежде всего, озаботиться о собственной безопасности, такъ какъ гроза была близка. Войска наши, вызванныя къ дѣйствию настоящими безпорядками въ горахъ, уже двигались къ Гопатлю, который по смерти Кази-муллы принялъ на себя мятежническую роль Гимровъ.

Еще въ 1833 году, было рѣшено основать въ Сѣверномъ Дагестанѣ укрѣпленный пунктъ, который могъ бы служить намъ опорной точкой и вмѣстѣ съ тѣмъ складомъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, что было совершенно необходимо при крайней скудости края. Всѣмъ этимъ цѣлямъ какъ нельзя лучше удовлетворяло шамхальское селеніе Темиръ-Ханъ-Шура и предшествовавшая экспедиціи въ Дагестанѣ, при которыхъ оно неоднократно избиралось сборнымъ пунктомъ, показали, какъ важно было стратегическое его значеніе. Съ лѣта 1834 года, приступили къ возведенію тамъ укрѣпленія и для этого, при Темиръ-Ханъ-Шурѣ, былъ собранъ отрядъ изъ 10-ти баталіоновъ, 400 конницы и 12 орудій. Когда же пришли извѣстія о послѣднихъ безпорядкахъ въ Аваріи, командующій этимъ отрядомъ полковникъ Клюки-фонъ-Клугенау получилъ предписаніе двинуться къ Гопатлю для наказанія мятежниковъ.

Въ началѣ октября отрядъ его прибылъ къ селенію Чалдамъ, на Аварской Койсу, разсѣявъ на пути передовыя партіи горцевъ. Отсюда предстояло подняться на неприступныя Гопатлинскія высоты, въ виду главныхъ силъ Шамиля, который, по первому извѣстію о наступленіи Русскихъ, успѣлъ сдѣлать значительный сборъ въ обществахъ Средняго Дагестана. Не смотря на это, войска наши бодро двинулись на крутизны и штыками проложили себѣ путь. Непритель, изумленный столь смѣлымъ натискомъ, покинулъ завалы и бѣжалъ къ Каху, а оставленное имъ селеніе Гопатль было тотчасъ же нами занято и въ наказаніе жителямъ разрушено до основанія.

Спокойствіе въ горахъ, повидимому, возстановилось, ибо тотчасъ же послѣ гопатлинской побѣды Аварцы, Андалаялцы, Койсубулинцы и другіе дали намъ клятву въ вѣрности; но спокойствіе это было мимолетно и скорѣе происходило отъ усталости, чѣмъ отъ искренняго раскаянія.

Взявъ съ жителей аманатовъ, полковникъ Клугенау возвратился къ Темиръ-Ханъ-Шуръ. Наступила зима и отрядъ былъ распущенъ, за исключеніемъ Апшеронскаго полка, оставленнаго въ новомъ укрѣпленіи.

И такъ, первый шагъ новаго имама былъ не совсѣмъ удаченъ; но взавѣвъ того передъ нимъ раскрывалось обширное поле, тщательно воздѣланное двумя погибшими его предшественниками.

Шамиль (Шамуиль или Самуиль) родился въ Гирахъ въ 1799 году (приблизительно) отъ бѣднаго пастуха по имени Динкау. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, Динкау заставлялъ маленькаго Шамиля продавать карагу (нисшій сортъ персиковъ) и малютка, нерѣдко усталый, бродилъ изъ селенія въ селеніе съ тяжелой ношей на плечахъ. Въ свободное же время отъ этихъ занятій, онъ ходилъ учиться къ муллѣ, который толковалъ ему первоначальныя основанія религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ заставлялъ затверживать наизусть наиболѣе употребительныя изрѣченія Корана, какъ это вообще дѣлается. Однимъ словомъ, воспитаніе Шамиля, общее всѣмъ горскимъ мальчикамъ, не отличалось въ началѣ ни тщательностію, ни особымъ приготовленіемъ; но будучи одаренъ отъ природы блестящими способностями и рѣдкою силою воли, онъ скоро вышелъ изъ ряда людей обыкновенныхъ. Появленіе Кази-муллы открыло ему новый путь; онъ не замедлилъ къ нему пристать и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ. Сближеніе съ подобнымъ человѣкомъ не пропало даромъ для Шамиля, и подъ его руководствомъ онъ научился распознавать и обстоятельства и людей. Постоянно наблюдательный, постоянно сосредоточенный въ самомъ себѣ, Шамиль все видѣлъ и изъ всего извлекалъ полезныя уроки, такъ что когда ему пришлось дѣйствовать самостоятельно, никто лучше его не зналъ ни положенія дѣла, ни силъ препятствія, ни средствъ, которыми можно было его одолѣть.

Не столь религіозный, какъ Кази-мулла, не столь оврометчивый, какъ Гамзатъ-бекъ, Шамиль превосходилъ обоихъ умомъ, настойчивостію и, главное, умѣншемъ все дѣлать кстати, т. е. качествомъ, составляющимъ непремѣнную принадлежность истинно — пракческаго человѣка. Подобно многимъ, онъ обвинялъ Кази-муллу за его излишнюю торопливость, доказывая весьма основательно, что прежде всего надо было упрочить за собою горы, т. е. побѣдить Аварію. Но Кази-мулла его не слушалъ и

между ними возникли неудовольствія, воспрепятствовавшія Шамилю участвовать въ дѣйствіяхъ на плоскости. Когда же Кази-мулла возвращался изъ подъ Дербента, Шамиль, не осмѣливавшійся долѣе противиться общественному мнѣнію, принужденъ былъ выѣхать къ нему на встрѣчу съ покорностію. Тогда одинъ изъ свиты Кази-муллы, нѣкто Дацій, чиркеевскій житель, увидя приближавшагося Шамиля, воскликнулъ: «Такъ вотъ тотъ самый Шамиль, который дерзаетъ противиться святому челобѣ-ку!» и потомъ обратясь къ Кази-муллѣ прибавилъ: «Дозволь мнѣ, и я однимъ взмахомъ пашки снесу ему голову.» Но Кази-мулла, схвативъ за руку пылаго мюрида, сказалъ: «Оставь его, почтенный Дацій; онъ молодъ еще и современемъ, надѣюсь, о-степенится и будетъ мнѣ послушенъ, а способности его подають большія надежды.» Такимъ образомъ, великодушный Кази-мулла отклонилъ ударъ, который впослѣдствіи отъ многихъ бы хлопотъ избавилъ Кавказъ.

При Гамзатъ-бекѣ, Шамиль занялъ еще болѣе видное мѣсто и былъ однимъ изъ первыхъ, настаивавшихъ на движеніе къ Хунзаху, которымъ Гамзатъ все еще медлилъ. Когда же войска послѣдняго обложили столицу Аваріи, Шамиль подалъ совѣтъ заманить несчастныхъ хановъ въ лагерь и истребить ихъ. Гамзатъ согласился; но едва увидѣлъ Нуцаль-хана и братьевъ его у себя въ палаткѣ, врожденная доброта сердца и остатокъ прежняго уваженія, не дозволили ему поднять руку на высокихъ гостей, столь довѣрчиво положившихся на него. Отъ Шамиля не ускользнула эта, весьма естественная, нерѣшительность и приблизившись къ Гамзату, онъ шепнулъ ему на ухо: «Гамзатъ, куй желѣзо пока горячо, иначе будешь раскаяваться въ своей слабости!» (*) Слова эти, раскрывъ всю дѣйствительность опасности, подавили минутное колебаніе, и убійство началось.

Остальныя затѣмъ событія—смерть Гамзатъ-бека, принятіе Шамилемъ званія имама и Гочатлинская битва—намъ уже извѣстны. Остается посмотрѣть, что совершилось въ это время въ Аваріи.

Хунзахцы, тотчасъ же по убіеніи Гамзатъ-бека, ввели въ ханскій дворецъ жену злополучнаго Нуцаль-хана и бабу его—Хистоманъ-бике, какъ единственныхъ представительницъ нѣкогда знаменитаго дома. Вся надежда ихъ возлагалась на Гайбать-

(*) Невѣровскій, «Военный журналъ» 1848 годъ, томъ III, стр. 23.

бике, которая должна была вскорости разрѣшиться отъ бремени. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время послѣ Годатлинскаго дѣла, она родила мальчика, названнаго Султанъ-Ахметъ-ханомъ; малютка торжественно былъ признанъ ханомъ и до совершеннолѣтія его, управление Аваріею было ввѣрено нашимъ правительствомъ Асланъ-хану Казикумухскому.

Не смотря на всеобщій энтузіазмъ, произведенный въ народѣ рожденіемъ Султанъ-Ахметъ-хана, пребываніе ханшъ въ Хунзахѣ было не совсѣмъ безопасно, Шамиль поклялся наказатъ Хунзахцевъ за смерть Гамзатъ-бека. Очевидно, что месть за погибшаго имама была только предлогомъ, чтобы добраться до самого хана, по этому Гайбатъ-бике сочла нужнымъ покинуть Хунзахъ для болѣе безопаснаго мѣста. Родной братъ ея, шамхаль предложилъ ей собственный домъ въ Таркахъ и въ началѣ 1835 года она, вмѣстѣ съ сыномъ и бабкою, выѣхала туда на жительство.

Въ слѣдующемъ году скончался Асланъ-ханъ и управление Аваріею перешло по наслѣдству къ старшему сыну его Нуцаль-хану (*). Новый ханъ отправилъ въ Хунзахъ брата своего Магометъ-Мирза-хана и ввѣрилъ ему непосредственное завѣдываніе аварскими дѣлами. Но Магометъ-Мирза-ханъ не успѣлъ пріобрѣсти тамъ ни довѣрія, ни любви, и въ Хунзахѣ возникла довольно многочисленная партія, требовавшая передачи управления Аваріею Ахметъ-хану Мехтулинскому, бывшему въ ближайшемъ родствѣ съ аварскимъ домомъ (***) и въ свою очередь сильно этого домогавшемуся. Въ концѣ 1836 года, партія послѣдняго восторжествовала: Магометъ-Мирза-ханъ принужденъ былъ выѣхать изъ Хунзаха, и на мѣсто его правителемъ Аваріи былъ поставленъ Ахметъ-ханъ Мехтулинскій.

Между тѣмъ Шамиль неусыпно трудился надъ распространеніемъ своего вліянія въ горахъ, и Аварія по прежнему очутилась окруженною со всѣхъ сторонъ врагами, хотя еще ничѣмъ не обнаруживавшими своихъ намѣреній. Дабы предупредить грозившую опасность, Ахметъ-ханъ предложилъ занять Хунзахъ войсками, опираясь на которыхъ, жители могли бы отстояться въ

(*) Асланъ-ханъ имѣлъ двухъ сыновей: Нуцаль-хана и Магометъ-Мирза-хана, которые одинъ за другимъ ему наслѣдовали и въ скорости тоже умерли, не оставя по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ.

(**) Ахметъ-ханъ и Нуцаль-ханъ аварскій были женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ покойнаго Мехти-шамхала.

случаѣ покушенія противъ нихъ Шамля. Но какъ ни полезна была эта игра, тѣмъ не менѣе ее надо было исполнить съ величайшею осторожностію, иначе недоброжелательные люди легко могли перетолковать прибытіе Русскихъ въ Аварію и произвести въ народѣ волненіе. Во избѣжаніе этого Ахметъ-ханъ послалъ къ генералу Фезе, командовавшему тогда войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, секретное письмо, гдѣ объяснивъ ему всѣ побудительныя къ тому причины, просилъ его перемѣнить сдѣлать предложеніе Аварцамъ о занятіи войсками Хунзаха.

Полагаясь вполне на совѣтъ Ахметъ-хана, генералъ Фезе отправилъ въ Аварію прокламаціи съ дружественными предложеніями помощи; въ письмѣ же къ правителю онъ говорилъ, что въ случаѣ согласія народа на его предложеніе, онъ не замедлитъ прибыть туда съ войсками. Какъ только все это случилось въ Хунзахѣ, Ахметъ-ханъ приказалъ повѣстить, чтобы старшины и почетные люди отъ всѣхъ аварскихъ деревень собрались на совѣщаніе, имѣющее быть на рѣкѣ Тоботъ, въ 5-ти верстахъ отъ Хунзаха. На другой день, къ назначенному мѣсту, прибыли жители; Ахметъ-ханъ, прочитавъ прокламацію и письмо г. Фезе, обратился къ народу съ рѣчью: «Я прочелъ писанное къ вамъ и ко мнѣ русскимъ генераломъ съ тѣмъ, чтобы вы не подумали, будто бы все это устраивается по моему желанію. Теперь я прошу васъ обсудить хорошенько этотъ важный вопросъ и сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе. При этомъ прибавлю одно: я бы не желалъ, чтобы Русскіе явились сюда, Аварцы достаточно храбры и сильны, чтобы защищать себя противъ кого бы то ни было. Подумайте и скажите мнѣ ваше окончательное рѣшеніе, а я, чтобы не мѣшать вамъ, уѣду.» Начались разныя пренія *pro* и *contra*; наконецъ старшина селенія Ахальчи, Гуссейнъ-Юсуфъ-оглы, даетъ знакъ народу умолкнуть. «Аварцы, восклицаетъ онъ, вмѣсто того, чтобы эти собаки—мириды грабили и разоряли насъ, не лучше-ль будетъ, если явятся сюда Русскіе? Они не займутъ нашихъ домовъ, не отымутъ послѣдняго куса хлѣба; они храбры, щедры и никогда еще не погнушались имѣть дѣло съ простыми бѣдняками, какъ мы. Зачѣмъ и для кого мы будемъ ихъ избѣгать? Не лучше-ль зажить съ ними въ самомъ тѣсномъ союзѣ? Мы будемъ богаты, спокойны и тогда пусть ктонибудь попытается насъ обидѣть! Еще разъ повторяю вамъ, намъ необходимы Русскіе». Эта краткая рѣчь Гуссейна возымѣла полный успѣхъ.

«Нусть приходять Русскіе, наши братья!» крикнулъ народъ и толпами повалился къ Хунзаху.

Такимъ образомъ было рѣшено занятіе Аваріи.

1837 года 7-го мая, отрядъ, изъ 8-ми баталіоновъ, 3-хъ сотенъ казаковъ, при 18-ти орудіяхъ и 4-хъ полупудовыхъ мортирахъ, подъ начальствомъ генерала Фезе, выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на Ходжалъ-махи, Кунну, Салтинскій и Карадахскій мосты. Мехтулинская милиція, подъ начальствомъ Ахметъ-хана, двинулась прямѣйшею дорогою чрезъ Гергебилъ и Гопатль къ Хунзаху; туда же долженъ былъ прибыть и Магометъ-мирзаянъ съ Казикумухцами. Какъ войска шли въ горы на довольно-продолжительное время, то начальникъ отряда принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію ихъ продовольствіемъ, по крайней мѣрѣ на первое время. Для этого при каждой части войскъ было сформировано по особому отдѣленію транспорта, долженствующему быть при ней неотлучно; часть же обязывалась помогать ему въ сѣдзованіи по наиболѣе труднымъ мѣстамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять самый провіантъ отъ раструски. Подобнымъ распределеніемъ обоза, состоявшаго слишкомъ изъ 1000 арбъ и возможнымъ единственно при отсутствіи непріятеля, значительно облегчалось сѣдзованіе отряда, но и при всемъ томъ онъ только 27-го мая могъ достигнуть Хунзаха, пройдя въ 20 дней всего около 125 верстъ.

Прибытіе въ центръ горъ столь значительныхъ силъ поразило ужасомъ большую часть непріязненнаго намъ населенія; не унывая одинъ Шамиль, знавшій хорошо, какихъ усплій намъ стоило это движеніе, и собравъ наскоро нѣсколько сотенъ мюридовъ, онъ заключился въ крѣпкомъ, по мѣстоположенію, селеніи Тилпль (въ 22 верстахъ отъ Хунзаха), призывая горцевъ на брань. Съ своей стороны, генералъ Фезе, отрядивъ два баталіона для наблюденія за Шамилемъ и оставивъ въ Хунзахѣ, наскоро укрѣпленномъ, двѣ роты, двинулся налегкѣ чрезъ Цатаныхъ и Беглинскую гору въ Койсубу, чтобы сблизиться съ Темиръ-Ханъ-Шурою и пополнить, если возможно, этимъ путемъ свои запасы.

Между тѣмъ, семейство и имущество имама находились въ двухъ койсубулинскихъ селеніяхъ Ашилте и Ахульго, защита которыхъ была ввѣрена Али-беку и Удъ-муллѣ, съ 1000 мюридовъ. Овладѣніе ими представляло большія затрудненія, однако генералъ Фезе рѣшился ихъ взять. 9-го іюня войска наши, сбро-

связъ съ себя раны, по трудной тропинкѣ спустился съ Бетлинской горы къ Ашильтѣ и атаковали непріятеля; къ вечеру этого дня селеніе, имѣвшее до 500 домовъ и защищаемое со всею энергіею Дагестанцевъ, находилось уже въ нашихъ рукахъ и было предано огню. Взятіе Ашилты оказало благотѣльные послѣдствія: многочислѣнное селеніе Койсубулинскаго общества, Унцукуль, намъ покорилось и Унцукульцы охотно согласились, за весьма умеренную плату (*), заняться перевозкой провіанта изъ Темврѣ-Ханѣ-Шуры въ Хунзахъ, не требуя для себя никакого прикрытія.

Устроивъ такимъ образомъ дѣло по продовольственной части и разоривъ послѣднее убѣжище Шамиля въ Койсубу—Ахульго, генераль Фезе двинулся къ Тилитлю и 3-го іюля обложилъ селеніе, открывъ по нему сильный огонь изъ орудій. Тилитль расположено было на скатѣ скалистаго хребта Чаро, имѣло до 600 домовъ и было обнесено девятью каменными башнями; доступъ къ нему проходилъ съ 2-хъ сторонъ, отъ Голотля и отъ Аварской Койсу, вверхъ по ущелью Тилитлинки (**).

4-го и 5-го іюля, были произведены приступы и несмотря на отчаянную защиту непріятеля, мы успѣли утвердиться по окраинамъ селенія. Войска готовились повторить еще разъ атаку, какъ 6-го іюля, ночью, прибылъ въ лагерь посланный Шамиль съ предложеніемъ вступить въ переговоры; генераль Фезе, не желая жертвовать напрасно людьми, охотно на это согласился. 7-го іюля Шамиль прибылъ въ станъ Магометъ-Мирзы-хана и покланялся Коранѣ не тревожить болѣе горцевъ, а въ залогъ вѣрности выдалъ аманатовъ, въ числѣ коней и малолѣтняго племянника по сестрѣ Гамзатъ-бека (нынѣ штабсъ-капитана); его примѣру послѣдовали и другіе предводители мюридовъ, въ числѣ которыхъ находился впоследствии извѣстный Кибитъ-Магома Тилитлинскій; скопище же было распущено по домамъ.

(*) Намъ случилось имѣть записки объ Аварской экспедиціи 1837 года, составленныя очевидцемъ, отряднымъ комиссіонеромъ Г. Ш..... Онъ говоритъ, что Унцукульцы взяли поставку провіанта изъ Шуры въ Хунзахъ, полагая за каждый лошадиный вьюкъ по 350 коп. сер., а за эшачій по 80 коп. сер.,—цѣна крайне умеренная.

(**) Означенные два доступа къ Тилитли, со стороны Аваровъ, крайне трудны, но есть легчайшій доступъ отъ Руджи, который будетъ описанъ въ IV главѣ и которымъ г. Фезе не могъ воспользоваться по причинѣ его кружестости.

Обезпеченный со стороны главнаго виновника волненій, генералъ Фезе двинулся чрезъ Карадахскій мостъ и Хунзахъ на Бетлинскую гору, чтобы прикрыть слѣдованіе транспортовъ, возвращавшихся изъ Шуры съ провіантомъ и снарядами. Затѣмъ приступлено было къ открытію прямого сообщенія Хунзаха съ Темиръ-Ханъ-Шурою, чрезъ Балаханское ущелье, Зыряны, Ирганай, Бурундукъ-кале и Казанищи. Произведенныя по этому случаю работы напоминаютъ гигантскія сооруженія циклоновъ. На пространствѣ между Бурундукъ-кале и Ирганаемъ прорвана скала, заширавшая герметически путь и отъ подошвы образовавшихся въ ней воротъ, возведена изъ камня широкая стѣна, по которой, какъ по пантусу, спускались къ Ирганаю. При селеніи Зырянахъ, гдѣ производилась переправа чрезъ Койсу, возвели небольшое укрѣпленіе; сверхъ того, устроены посты въ Бурундукъ-кале и при Моксохѣ.

Съ конца августа, Аварскій отрядъ занимался покореніемъ не признававшихъ нашей власти аварскихъ селеній; въ началѣ сентября проникъ даже къ неприступной Каратѣ и улучшилъ сообщеніе ея съ Хунзахомъ. Вслѣдъ за этимъ, генералъ Фезе намѣревался пройти еще далѣе въ самую глубь горъ, для открытія сообщеній съ Кахетією черезъ главный хребетъ, какъ получили извѣстіе о волненіяхъ въ Южномъ Дагестанѣ, что и заставило его поспѣшить возвращеніемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. 10-го сентября, войска прибыли тула форсированными маршами по вновь проложенной дорогѣ, а 19-го были уже въ Кубѣ и привели наскоро городъ въ оборонительное положеніе, обезпечили его небольшимъ гарнизономъ, что было совершенно необходимо, по случаю возникшихъ безпорядковъ на Самурѣ.

Но блистательная экспедиція 1837 года, обезпечивъ пока Аварію, вовсе не положила конца ни вліянію, ни власти Шамиля. По удаленіи нашихъ войскъ, онъ снова появился въ Койсублинскомъ обществѣ и основавъ крѣпкій замокъ, новый Ахульго, вблизи стараго, почти на отвѣсной скалѣ, продолжалъ по прежнему возмущать жителей. Тщетно генералъ Кругенану, устроивъ съ нимъ свиданіе на Каранаевскомъ спускѣ, уговаривалъ его отправиться во Владикавказъ, для принесенія вѣрнопопданнической покорности Государю Императору, возвращавшемуся въ это время изъ Грузіи — убѣжденія его не могли поколебать Шамиля. Между тѣмъ, другіе предводители мюридовъ дѣятельно поддерживали огонь въ край и возстанія вспыхивали разомъ

въ нѣсколькихъ пунктахъ Дагестана; на Самурѣ появился самозванецъ, нѣкто Мустафа-Магомедъ, выдававшій себя за сына Шеккинскаго хана, умершаго въ Персїи; онъ взволновалъ все населеніе Самура, отъ Ахтовъ до Куесура и Борчи, и распространилъ свои разбои даже по ту сторону Кавказскаго хребта. Дѣйствія ихъ привлекли на себя большую часть нашихъ силъ въ теченіе всего 1838 года.

Наступилъ 1839 годъ, а дѣла по прежнему оставались въ неопредѣленномъ положеніи. Пребываніе Шамиля въ Новомъ Ахульго, между землями Койсубулинцевъ и Гумбетовцевъ, въ сообществѣ съ Андией и Аваріей, могло имѣть весьма вредныя послѣдствія, еслибы ему снова удалось поднять эти воинственные племена Дагестана; съ другой стороны, жители Самура продолжали волноваться и своими разбоями тревожили нынѣшніе Шемахинскій и Нухинскій уѣзды. Предположено было: съ весны открыть въ Дагестанѣ наступательныя дѣйствія разомъ двумя отрядами: одинъ изъ нихъ, сосредоточенный въ Южномъ Дагестанѣ, подъ начальствомъ корпуснаго командира генерала Головина, предназначался для усмиренія лезгинскаго населенія по Самуру; другой, подъ начальствомъ генерала Граббе, собственно для дѣйствій противъ Шамиля.

Походъ генерала Головина въ нынѣшній Самурскій округъ былъ чрезвычайно успѣшенъ. Разбивъ на голову непріятеля на урочищѣ Аджіахурѣ, запиравшемъ входъ въ ущелья Самура, генералъ Головинъ успѣшилъ занять селеніе Ахты, главный пунктъ округа, и уже готовился къ дальнѣйшему движенію, какъ испуганные жители покорились и присягнули на вѣрно-подданство. Усмиривъ округъ и давъ ему положеніе, вполне соотвѣтствующее обстоятельствамъ, и до сего времени остающееся въ полной силѣ, корпусный командиръ поднялся вверхъ по Самуру на Гельмецъ, и перешагнувъ Кавказскій хребетъ, спустился въ долины Джаріп. Это движеніе, совершенное въ средѣ непріязненнаго намъ населенія, оказало большія послѣдствія: жители, убѣдившись въ нашей силѣ и въ всегдальной возможности ихъ наказать, успокоились и окончательно прервали всякую связь съ Шамилемъ.

Между тѣмъ, генералъ Граббе, съ отрядомъ, сосредоточеннымъ у Внезапной (9¼ баталіоновъ, 12 сотенъ конницы, 22 орудія и 3,000 пѣшей милліонъ), двинулся въ Салатавію и оттуда перешелъ въ Гумбетъ, джидды поразили непріятеля, пытаясь осе-

заслонить ему путь, сначала у Буртуная, потомъ на колесный спуска съ Гумбетовскихъ горъ, у селенія Аргуани. 13-го мая, отрядъ сосредоточился подъ Ахульго и открылъ осадныя работы. Слишкомъ трагическая осада этой природной твердыни въ высшей степени поучительна—съ одной стороны ненастойчивости нашихъ войскъ, принужденныхъ по голымъ скаламъ вестн подступы, съ другой—по характеру обороны, развитой непріателемъ (*). 29-го августа Ахульго было въ нашей власти и самъ Шамиль едва успѣлъ избѣгнуть плѣна; но малолѣтній сынъ его Джамаль-Эддинъ, выданный вслѣдствіе предшествовавшихъ окончательному приступу переговоровъ, остался у насъ заложникомъ и былъ отправленъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Съ паденіемъ Ахульго, для Шамилля не было возможности оставаться въ Дагестанѣ: Гумбетовцы, только что испытавъ значительныя потери и опасаясь новаго появленія русскихъ отрядовъ, рѣшительно отказались отъ него; Андійцы и Койсубулинцы старались избѣгать его; Аварія была въ нашихъ рукахъ. Лучшие сподвижники Шамилля, Сурхай, Али-бекъ, Али-Чула-Магома, вмѣстѣ съ тысячею храбрѣйшихъ, погибли въ Ахульго. Нѣтъ сомнѣнія, что роль имама, быть можетъ, этимъ бы и кончилась, если бы особыя обстоятельства ему не помогли.

Зимой съ 1839 на 1840 годъ Чечня, только что предъ этимъ усмиренная, снова взбунтовалась, и причиною къ тому послужила попытка кавказскаго начальства обезоружить ее. Предполагалось, чтобы Чеченцы уплачивали свои подати не деньгами, которыхъ они вовсе не имѣли, а оружіемъ,—мысль во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, но, къ сожалѣнію, ранозременная. Какъ бы то ни было, но только эти благія намѣренія начальства были иначе объяснены Чеченцами: имъ казалось, что Русскіе лишаютъ ихъ оружія съ цѣлью удобнѣе истребить, и поэтому все населеніе рѣшилось, лучше погибнуть, чѣмъ дозволить себя перерезать, какъ барановъ. Къ тому же, разныя злоупотребленія, неизбежныя при введеніи новаго порядка, не мало содѣйствовали къ усиленію всеобщаго негодованія.

Благопріятіе и неожиданнѣе ничего не могло быть для Шамилля при тогдашнихъ обстоятельствахъ. При первомъ извѣстіи

(*) Объемъ главы не дозволяетъ намъ сказать болѣе объ этой замѣчательной осадѣ, съ ходомъ которой желающіе могутъ познакомиться въ «Описаніи военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ въ 1839 году», составленномъ Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Д. А. Милютинимъ.

о безпорядкахъ въ Чечнѣ, онъ отправилъ туда искусныхъ и преданныхъ ему людей, чтобы начинавшееся тамъ волненіе обратить въ явное возстаніе; когда же все было готово, онъ самъ, въ мартѣ 1840 года, послѣдшилъ на Сунжу съ 500 мюрядовъ, подъ начальствомъ храбрѣйшаго Ахверды-Магомы, и почти силою переселилъ Сунженскихъ и Надтеречныхъ Чеченцевъ въ Черныя горы (*), гдѣ они были въ болѣе безопасности отъ насть. Вслѣдъ за симъ, къ нему пристали Ичкеринцы, Ауховцы, Карабулаки и другіе. Страхъ наказанія за измѣну и ожесточеніе противъ насть, заставили Чеченцевъ волею-неволею присоединиться къ Шамилю, который, такимъ образомъ, снова очутился въ главѣ народа многочисленнаго, воинственнаго и, въ добавокъ, имѣвшаго всѣ средства къ упорному сопротивленію.

Жилища Чеченцевъ раскинуты отдѣльными хуторами посреди вѣковыхъ лѣсовъ, сходящихъ съ одной стороны къ Сунжѣ, съ другой къ Тереку. Двигаться и дѣйствовать въ этихъ чащахъ, не дѣлая предварительно проськъ, для насть почти было невозможно, и потери, испытанныя отрядомъ генерала Галафѣева на Валерикѣ (въ июлѣ 1840 года), показали, чѣмъ должны кончаться подобныя предпріятія. Въ Чечнѣ, въ открытыхъ мѣстахъ, неприятель какъ будто не существуетъ, но едва отрядъ вступить въ лѣсъ, начинается перестрѣлка въ боковыхъ цѣпяхъ и въ арріергардѣ. Чѣмъ мѣстность пересѣченнѣе, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ перестрѣлка становится сильнѣе, и наконецъ сливается въ одинъ неумолкаемый гулъ, а неприятеля все нѣтъ: виденъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ, и все это снова исчезаетъ. Когда же цѣпь наша ослабѣетъ, или какая нибудь часть разстроится отъ потерь, какъ будто изъ земли вырастаютъ сотни шапекъ и кинжаловъ и съ гикомъ кидаются на нее. Если встрѣтятъ отпоръ, стойкость, все по прежнему исчезаетъ за пнями и деревьями и снова отирывается убійственный огонь. Этотъ манѣвръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ лѣса, и горе если отрядъ прежде этого разстроится или солдаты умадутъ духомъ: Чеченцы какъ тигры быстры и кровожадны и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить окончательное истребленіе.

Въ случаѣ, если бы мы рядомъ продолжительныхъ и трудныхъ экспедицій успѣли бы принудить Чеченцевъ покинуть плос-

(*) Черными горами называются сѣверныя покатоги Кавказскаго и Андійскаго хребтовъ, покрытыя густымъ лѣсомъ, отчего покатоги эти и получили названіе Черныхъ.

кость, они всегда имѣютъ возможность выселиться далѣе въ глубь Черныхъ горъ, гдѣ встрѣчается таже роскошь въ растительности, тѣже удобства къ жизни. Самое разореніе ихъ жилищъ здѣсь не приноситъ тѣхъ результатовъ, какъ въ Дагестанѣ, гдѣ дома въ селеніяхъ каменные, требующіе для сооруженія и времени и значительныхъ средствъ. Напротивъ, въ Чечнѣ, преобладающей лѣсомъ, дома деревянные, наскоро сколоченные изъ досокъ или выведенные изъ хвороста, обмазаннаго глиною, словомъ дома, на постройку которыхъ достаточно нѣсколькихъ дней. Въ подобныхъ обстоятельствахъ предстоило или покинуть этотъ край на произволъ судьбы, что рѣшительно не согласовалось съ нашими проектами относительно Кавказа, или навязать себѣ на многіе годы упорную и гибельную войну. Притомъ же, положеніе наше становилось еще худшимъ отъ того, что Шамиль, сознавая важность Чечни, рѣшился поселиться въ ея сосѣдствѣ и навсегда покинулъ Дагестанъ. Избравъ съ 1840 года своимъ мѣстопробываніемъ Ичкеринское селеніе Дарго, посреди дремучихъ лѣсовъ, онъ сталъ угрожать и Линіи и Дагестану, и вскорѣ набѣги его на Сунженскую и Терекскую линіи и къ сторонѣ шамхальства показали, какъ была опасна новая его позиція. Такимъ образомъ, случайное волненіе Чечни, которымъ такъ искусно умѣлъ воспользоваться Шамиль, уничтожило всѣ огромные результаты экспедиціи генераль-адъютанта Граббе въ 1839 году, и снова предало въ его руки и горы и плоскость.

Успѣхи Шамиля въ Чечнѣ не могли не отозваться въ Дагестанѣ: восемь пограничныхъ аварскихъ деревень и койсубулинскія селенія Игали и Тлохъ признали власть Шамиля; вслѣдъ за симъ Кибитъ-Магома Тилитлинскій взбунтовалъ мелкія общества въ сосѣдствѣ Тилитля и былъ назначенъ ихъ наемомъ. Въ июлѣ, Шамиль, съ огромнымъ скопищемъ, появился подъ Инкартами и чуть было не истребилъ малочисленный отрядъ генерала Клугенау, состоявшій изъ шести ротъ; въ срединѣ августа, пользуясь отсутствіемъ войскъ, разорилъ Чирь-Юртъ и большую часть его жителей увлекъ въ горы. Тщетно генералъ Клугенау спускался къ Гирамъ и разорялъ это селеніе за взмѣну, положеніе дѣлъ къ концу 1840 года было крайне незавидное: Шамиль, обладая средствами Чечни и сосѣднихъ съ нею обществъ, находясь въ центральномъ положеніи, имѣлъ полную возможность тревожить покорное намъ населеніе со всѣхъ сторонъ; едва мы успѣвали подняться на одномъ пунктѣ, какъ непріятель,

не стѣсняемый обозами, состоявшій преимущественно изъ конницы, бросался на другой, захватывая все, что могъ, и столь же посильно уклонялся отъ боя. При такихъ обстоятельствахъ, прежнее число войскъ оказалось недостаточнымъ и Высочайше повелѣно было усилить средства Чечни и Дагестана 14-ю пѣхотною дивизіею.

На 1841 годъ, были составлены обширныя предположенія для наступательныхъ дѣйствій. Главныя массы войскъ, сосредоточенныя при Темиръ-Ханъ-Шурѣ, подъ начальствомъ корпуснаго командира генералъ-отъ-инфантеріи Головина, двинулись къ Чиркею. Предполагалось на правомъ берегу Сулака, напротивъ этого селенія, возвести укрѣпленіе, чтобы прикрыть большую дорогу изъ Салатавінъ въ центръ шамхальства и въ то же время удержать въ страхѣ многолюдный Чиркей, доселѣ игравшій двусмысленную роль и готовый окончательно пристать къ Шамилю. Постройка укрѣпленія, названнаго Евгениевскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе жителей Салатавінъ, Ауха и Чечни поглотило всѣ средства лѣваго крыла Кавказской линіи и Дагестана во весь 1841 годъ.

Между тѣмъ взглянемъ, что совершалось въ это время внутри Дагестана.

Доступъ туда былъ совершенно открытъ для Шамиля, и мы видѣли, что нѣкоторыя изъ аварскихъ селеній уже отложились, единственно изъ опасенія быть разоренными. Но какъ было помочь этому? Занять всѣ доступныя для непріятеля пункты мы не могли, слѣдовательно, въ рукахъ нашихъ оставались только нравственныя средства для удержанія горъ въ покорности. Эти нравственныя средства заключались въ выгодахъ, приобретенныхъ горцами подъ нашимъ владычествомъ и отчасти въ чувствахъ страха. При помощи ихъ, мы нѣсколько успѣли притупить духъ ненависти, внушаемый къ намъ мусульманскою религіею; съ годами онъ болѣе и болѣе ослабѣвалъ бы, а корысть и честное любіе продолжали бы скрѣплять узы сильнѣе, такъ что подобныя мѣры составляютъ едва ли не единственныя къ утвержденію нашего владычества въ Дагестанѣ. До сихъ поръ мы ихъ придерживались, но слѣпой случай и могучій противникъ успѣли поглотить тяжкія усилія наши въ теченіе многихъ лѣтъ.

До іюня 1841 года, расположеніе умовъ въ дагестанскихъ обществахъ было все еще въ нашу пользу: Гумбетовцы искали покорности и желая намъ услужить предупредили Салатавцевъ о

намѣреніяхъ Шамиля вторгнуться въ ихъ край; въ Андїи, Шамиль казнилъ почетнаго жителя Бай-Сулеймана, смѣнилъ и оштрафовалъ тамошняго кадїа за сочувствіе, питаемое ими къ Русскимъ. Отложившіяся въ прошломъ году аварскїя селенїя—Орота, оба Харадерикки, Хараки, Джалатаури и Коло передались Ахметъ-хану Мехтулинскому; Игали—готовилось покориться.

Съ іюня же, умы горцевъ мгновенно измѣняются: Гумбетовцы собираются въ Дарго для дѣйствій противъ генерала Головина въ Аухъ; Хаджи-Муратъ (*) набираетъ партїю въ Цолодѣ для вторженїя въ Аварїю; весь Гидатль, Верхній и Нижній Батлуги пристають къ нему: 2 августа они овладѣваютъ безъ сопротивленїя селенїемъ Токита въ виду 1,500 аварской милиціи, которая и недумаетъ предпринимать что нибудь противъ него. Прибытіе въ Аварїю Апшеронскаго баталїона съ 2 горными единорогами, нисколько не поправило дѣлъ и баталїонъ этотъ едва не былъ истребленъ скопищемъ Хаджи-Мурата.

Сборъ сильныхъ отрядовъ у Внезапной Темиръ-Ханъ-Шуры и удачныя дѣйствїя ихъ въ Салатавіи и Аухъ, удержали на время непрїятеля; но съ окончанїемъ Ауховской экспедиціи и съ отъѣздомъ корпуснаго командира въ Тифлисъ, Шамиль дѣятельно занялся Дагестаномъ, распуская тамъ разные невыгодные слухи на счетъ успѣха дѣйствій генерала Головина. Хитрость его вполнѣ удалась и дала возможность Кибитъ-Магомъ подговорить къ возстанїю весь Андалаяль, доселѣ остававшійся такъ сказать въ нейтральномъ положенїи.

Сентябрь и половина октября прошли безъ особыхъ событїй и только мелкія партїи, прорываясь чрезъ Сулакъ, тревожили насъ на пространствѣ къ сѣверу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Непрїятель, повидимому, былъ самъ встревоженъ и ожидалъ съ нашей стороны большихъ наступательныхъ дѣйствій, къ чему подала поводъ усиленная перевозка провіанта въ Зыряны и разработка дороги къ Игаламъ. Дѣйствительно, командующей войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ генералъ Клугенау имѣлъ намѣренїе разгромить это мяжежное селенїе, но Шамиль, какъ опытный боецъ, понимая всю выгоду упрежденїя въ дѣйствїяхъ (*initiative*), рѣшился начать первымъ.

(*) Прапорщикъ Хаджи-Муратъ только что передъ этимъ бѣжалъ къ Шамилю. О причинѣ его побѣга, а равно и о личности этого замѣчательнаго человека, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Усиленный присоединеніемъ Гидатленцевъ, Келебинцевъ и жителями отложившихся аварскихъ селеній и зная готовность Андалаяла измѣнить намъ, Шамиль приказалъ Кибитъ-Магомъ открыть наступательныя дѣйствія, пославъ ему на помощь Джеватъ-хана съ нѣсколькими стами Чеченцевъ. Одновременно съ нимъ, Хаджи-Муратъ долженъ былъ вторгнуться въ Аварію, а Абакаръ-кадій и Улубей-мулла со скопищами двинулись къ Салатавін, которая сохраняла еще нерѣшительную преданность. Положеніе покорныхъ намъ обществъ, окруженныхъ отсюду измѣною, было весьма затруднительно; напримѣръ, отъ Игалей и Тлоха не болѣе трехъ часовъ пути до первыхъ аварскихъ селеній, между тѣмъ какъ наши резервы, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, могли поспѣть туда не ранѣе 3 дней. Трудность продовольствовать войска въ горахъ препятствовала держать ихъ тамъ постоянно.

Кибитъ-Магома, сосредоточивъ у Тилитлей до 2,000 и вспомоществуемый Джеватъ-ханомъ, 12 октября, занялъ ниже-аварскія селенія Мгохъ, Занату, Кани и Ниту; 18-го переданъ ему Голотль. Общества Гуяда и Карахъ, андалаяльскія селенія Карадахъ, Руджа и Гунибъ присоединились къ нему и увеличили скопище его до 4,000 человекъ. Между тѣмъ, 22 октября, Хаджи-Муратъ овладѣлъ селеніемъ Цолкитю, запиравшимъ входъ въ Аварскую долину съ сѣверо-запада; этого же числа до 3,000 Ауховцевъ, Гумбетовцевъ и отчасти Салатавцевъ заняли нижнія салатавскія селенія — Буртунай, Хубары и другія; верхнія же выдали Шамилю аманатовъ.

Не имѣя возможности дѣйствовать разомъ на всѣхъ пунктахъ возстанія и желая по крайней мѣрѣ защитить Аварію, обладанія которой такъ домогался непріятель, генералъ Клугенау двинулъ къ Карадахскому мосту одинъ Апшеронскій баталіонъ при 2 горныхъ единорогахъ и 2,000 милиціи, собранной послѣшно въ Аваріи и Мехтулѣ. Цѣль его заключалась въ прикрытіи Гопатля, съ занятіемъ котораго прерывалось сообщеніе Аваріи съ Мехтулинскимъ ханствомъ. Въ то же время Андалаяльскій скоть, пасущійся въ шамхальствѣ, по приказанію его, былъ задержанъ; равнымъ образомъ заарестовали андалаяльскихъ торговцевъ, находившихся въ Шемахѣ, Кизлярѣ и Тифлисѣ. Эти мѣры принудили главныя андалаяльскія селенія успокоиться, а непріятель, пока довольный своими успѣхами, поставившими насъ въ бездѣйственность, разошелся по домамъ.

Въ срединѣ ноября, Шамиль снова приказалъ своимъ набамъ открыть наступательныя дѣйствія, имѣвшія на этотъ разъ уже болѣе обширную цѣль: Шамиль предполагалъ окончательно уничтожить наше вліяніе въ Андалаялѣ и Койсубулинскомъ обществѣ; а если удастся, то и овладѣть Аварією. Такимъ образомъ, Абакаръ-кадію приказано было занять Унцукуль и потомъ направиться въ Балаканское ущелье; въ то же время, Кибить-Магома долженъ былъ овладѣть Гергебилемъ. Успѣхи непріятели на этихъ пунктахъ должны были совершенно прервать наши сообщенія съ Аварією.

17 ноября, Абакаръ-кадій, съ 2,000 появился подъ Унцукулемъ и безпрепятственно занялъ селеніе; на слѣдующій день, согласно плану Шамиля, онъ двинулся въ Балаканское ущелье и овладѣлъ Моксохомъ; этого же числа отложились Гимры. Послѣшноепрібытіе въ горы 2-го баталіона Апшеронскаго полка, на помощь къ 3 (находившемуся у Карадахскаго моста), и удачное занятіе послѣднимъ Моксоха въ ночь на 20 ноября, заставили непріятели очистить Балаканское ущелье. Тогда Абакаръ-кадій потянулся къ Цатаниху, чтобы овладѣть имъ и въ то же время войти въ связь съ Хаджи-Муратомъ, показавшимся со стороны Цолкиты; но дѣйствія ихъ обонхъ были неудачны.

Между тѣмъ, Кибить-Магома прибылъ къ Карадахскому мосту только 23 ноября и чрезъ эту просрочку разстроилъ общій планъ одновременнаго нападенія. Однакожь, онъ не терялъ надежды овладѣть Аварією и, имѣя въ виду готовность Абакаръ-кадія и Хаджи-Мурата ему содѣйствовать, направился къ Гочатлю. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ успѣлъ бы занятіе этотъ важный пунктъ, если бы не прибыла туда своевременно помощь отъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Генералъ Клугенау, усиленный войсками изъ состава чеченскаго отряда (*), съ 3½ баталіонами, при 2-хъ легкихъ орудіяхъ, послѣшилъ къ Хунзаху. Прибытіе его принудило Хаджи-Мурата, Абакаръ-кадія и Кибить-Магому, отступить; тогда Клугенау двинулся чрезъ Цатанихъ и Бетлинскую гору къ Унцукулю, побуждаемый къ тому слухами о намѣреніи Унцукульцевъ передаться намъ. Но слухи оказались ложными, а какъ атаковать многолюдное селеніе съ Бетлинской горы, покрывшейся

(*) Тогда прибыли въ Темиръ-Ханъ-Шуру два баталіона Тифлискаго полка.

въ это время гололедицею, было безразсудно, то ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ отступить. Между тѣмъ Кибить-Магома, пользуясь движеніемъ нашихъ войскъ въ Койсубу, съ сильнымъ скопищемъ, бросился къ Гергебилю и Кикунѣ и безпрепятственно овладѣлъ ими. Извѣстіе объ этомъ и позднее время года, побудило генерала Кругену возвратиться въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ пребываніе его было болѣе необходимымъ.

Такимъ образомъ окончился 1841 годъ. Непрiятель, не считая мелкихъ обществъ, успѣлъ присоединить къ себѣ часть Салатавіи, почти все Койсубулинское общество и большую часть Андалаля. Унцукуль, Кикуну и Гергебилю были имъ заняты. Въ рукахъ нашихъ оставалось нѣсколько пунктовъ въ Аваріи и то потому, что тамъ находились наши гарнизоны; единственное сообщеніе Хунзаха съ Темиръ-Ханъ-Шурою, пролегавшее Балаканскимъ ущельемъ, было не совсѣмъ безопасно. Требовалось большихъ усилій, чтобы парализовать успѣхи и вліяніе непріятеля, грозившія разлиться по всему Дагестану, до берега Каспійскаго моря. Противникъ нашъ обладалъ огромными средствами, имѣлъ искусныхъ исполнителей, каковы были Абакаръ-кадій, Ахверды-Магома, Хаджи-Муратъ, Шуакбъ-мулла, Уллубей и другіе; послѣдніе успѣхи возвысили его нравственныя силы и онъ сталъ готовиться къ обширнымъ предпріятіямъ.

Въ началѣ 1842 года, по распоряженію корпуснаго командира, былъ отправленъ для начальствованія войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ генералъ-лейтенантъ Фезе, столь удачно дѣйствовавшій тамъ въ теченіе 1837—1838 годовъ. Предназначалось усилить средства Дагестана баталіонами съ линіи и открыть наступленіе въ горы при первой къ тому возможности. Въ этомъ случаѣ, не столько количество войскъ, сколько рѣшительность и быстрота были необходимы, ибо Шамиль не успѣлъ еще достаточно утвердиться ни въ Койсубу, ни въ Андалалѣ, важныхъ для удержанія Аваріи. Выборъ, павшій на генерала Фезе, былъ весьма удаченъ. Предпріимчивый, рѣшительный, никогда неостанавливающійся ни передъ какимъ препятствіемъ, онъ прекрасно понималъ духъ горной войны, и первый изъ нашихъ генераловъ положилъ начало прокладкѣ сообщеній, какъ одному изъ главныхъ актовъ экспедицій въ горы; но новое поприще его въ Дагестанѣ было кратковременно и, къ сожалѣнію, онъ былъ удаленъ оттуда въ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ жпнуть.

Пребываніе мюридовъ въ Гергебилѣ грозило опасностью верхнимъ селеніямъ Мехтулинскаго ханства, гдѣ уже сталъ обнаруживаться духъ мятежа; самые Цудахаръ и Акуша не могли оставаться спокойными. Это побудило генерала Фезе, не дожидаясь окончанія зимы, направить свои удары на Гергебилъ, какъ на пунктъ первостепенной важности, тѣмъ болѣе, что часть назначенныхъ въ Дагестанъ баталіоновъ уже прибыла въ Темиръ-Ханъ-Шуру. И такъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, генералъ Фезе съ 5-ю баталіонами, при 7 орудіяхъ, 17 февраля перешелъ къ Дженгутаю. Усиливъ здѣсь свой отрядъ милиціею Ахметъ-хана, онъ на другой день продолжалъ движеніе чрезъ покрытыя еще глубокимъ снѣгомъ Кутишинскія высоты къ Гергебилю, гдѣ собравшійся въ значительныхъ силахъ непріятель подъ предводительствомъ Карахскаго старшины Магомы, ожидалъ насъ въ крѣпкой позиціи. 20 февраля войска наши на разсвѣтѣ подошли къ Гергебилю, сбили мюридовъ съ позиціи и на плечахъ ихъ ворвались въ селеніе. Непріятель, потерявъ въ завалахъ значительное число убитыми и ранеными, оставивъ въ нашихъ рукахъ 50 человѣкъ плѣнными, нигдѣ уже болѣе не держался и въ беспорядкѣ бѣжалъ за Койсу. Въ тотъ же день сдались безъ выстрѣла селенія Кодухъ и Кикуну. Потеря наша заключалась въ 40 человѣкахъ убитыми и ранеными.

Молодецкое дѣло 20 февраля не замедлило обнаружить благія послѣдствія. Старшины Цудахарскихъ селеній Кушпы и Ходжалъ-Маховъ, извѣстныхъ сомнительнымъ поведеніемъ, и андаляльскихъ Чоха и Сугратля, прибыли съ покорностью. Не давая остынуть впечатлѣнію гергебилской побѣды и въ то-же время желая воспользоваться выгоднымъ расположеніемъ умовъ въ Андалялѣ, генералъ Фезе поспѣшилъ движеніемъ къ Чоху и 2 марта занялъ селеніе безъ выстрѣла. Въ Гергебилѣ были оставлены имъ двѣ роты и саперная команда, такъ что дѣйствующій отрядъ его состоялъ изъ 18-ти ротъ при 5-ти горныхъ единорогахъ, всего численностію 22,355 штыковъ.

Тѣмъ временемъ въ окрестностяхъ Тилитля и въ Куядинскомъ обществѣ, снова успѣли сосредоточиться до 5,000 горцевъ; однако непріятель не отваживался напасть на генерала Фезе, а расположился у Гунибъ-дага, въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій съ его стороны.

2-го и 3-го марта, шелъ глубокой снѣгъ, угрожавшій войскамъ совершенною гибелью, еслибъ они углубились далѣе въ

Андалялъ; уже трое сутокъ солдаты не имѣли дровъ и оставались на однихъ сухаряхъ. Медлить было нельзя, и генералъ Фезе повернулъ отрядъ на Карадахскій мостъ, чтобы сблизиться съ Аваріею. Поразивъ еще разъ на пути довольно значительныя партіи горцевъ, пытавшіяся тревожить движеніе его отряда, генералъ Фезе прибылъ благополучно въ Хунзахъ 7 марта, имѣя весьма незначительную потерю.

Между тѣмъ какъ происходили описанныя дѣйствія, маіоръ Евдокимовъ дѣятельно велъ переговоры съ Унцукульцами при посредничествѣ бывшаго ихъ старшины, прапорщика Алило, искренно намъ преданнаго. 5-го марта наконецъ онъ успѣлъ тайно проникнуть въ Унцукуль; возбужденные имъ жители взялись за оружіе и захватили расположенныхъ въ селеніи, въ видѣ гарнизона, 80 человекъ мюридовъ. На другой день прибылъ туда маіоръ Евдокимовъ (*), съ 4-мя ротами, при горномъ единорогѣ; но въ то время, какъ онъ обратился къ вышедшему ему на встрѣчу народу съ рѣчью, одинъ фанатикъ вонзилъ ему кинжалъ въ животъ; злодѣй былъ тутъ же изрубленъ, но Евдокимовъ едва непоплатился жизнью.

Вслѣдъ за симъ, по примѣру Унцукуля, изъявили покорность Гимры, Бетлетъ, Икалита и другія койсубулинскія селенія. Въ Унцукулѣ и Гимрахъ, генералъ Фезе оставилъ гарнизоны, по ротѣ въ каждомъ, а въ первомъ изъ нихъ заложилъ фортъ на отдѣльномъ курганѣ, командуящемъ селеніемъ, что было необходимо для обезпеченія его отъ покушеній Шамиля. Въмѣстѣ съ этимъ и въ Гергебилѣ было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія вмѣстимостію на баталіонъ.

Селенія Андалялскаго общества Чохъ, Сугратль, Обохъ, Могохъ, Унчибъ, Кегеръ и другія, также изъявили свою покорность. Такимъ образомъ, менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, неудачи прошедшаго года были поправлены и виновникъ этихъ дѣлъ, отозванный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Тифлисъ, оставилъ Дагестанъ навсегда.

Но рядомъ съ отважными дѣйствіями, возникали въ давно покорномъ и, повидному, преданномъ намъ краѣ новыя козни и мятежи, доказывавшіе, какъ сильно было поколеблено довѣріе къ намъ народа. Въ концѣ марта 1842 года, вспыхнуло возстаніе

(*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и командующій войсками лѣваго крыла Кавказской линіи.

въ Казикумухскомъ ханствѣ, подготовленное интригами нѣкоторыхъ членовъ ханской фамиліи.

По кончинѣ Асланъ-хана (*) и двухъ его сыновей, умершихъ не оставивъ по себѣ мужескаго поколѣнія, прекратился прямой родъ казикумухскихъ хановъ. Отсутствие способностей, интриги и взаимные доносы слѣдвались удѣломъ ближнихъ родственниковъ Асланъ-хана, которые, не имѣя никакого права на владѣніе, тѣмъ не менѣе его домогались. Двое изъ нихъ обратили особенное вниманіе нашего правительства: Абдурахманъ-бекъ, обнаружившій сильнѣе другихъ притязаніе на ханство и потому отозванный въ 1840 году въ Тифлисъ, и Хаджи-Ягья (чанка), человѣкъ безпокойнаго характера, закоснѣлый мюридъ и страстный поклонникъ Шамиля. Послѣдній, въ 1838 году, даже бѣжалъ въ непокорныя общества и оттуда по временамъ пробирался въ Кайтахъ и Табасаранъ, волнуя жителей идеями имамовъ.

Съ отъѣздомъ Абдурахмана, управление Казикумухскимъ ханствомъ было ввѣрено Мамаду и Гарунъ-бекамъ, но они возбудили противъ себя неудовольствіе ханши Умма-Гюльсумъ-бике, которая вслѣдствіе этого стала ходатайствовать о возвращеніи Абдурахмана, какъ болѣе ей преданнаго. Это обстоятельство сильно встревожило дѣтей Таира и опасеніе упустить изъ рукъ ханство заставило ихъ вступить въ сношенія съ Шамилемъ, къ чему ихъ усердно убѣждалъ и родной ихъ братъ Хаджи-Ягья. Такимъ образомъ, въ Казикумухѣ обнаружались безпорядки и волненіе народа становилось очевиднымъ еще съ конца 1841 года, когда 300 Казикумухцевъ явились на зовъ Кибитъ-Магомы предъ движеніемъ его къ Гергебилу. Чтобы удержать ханство отъ возстанія, въ случаѣ появленія тамъ мюридовъ, въ началѣ 1842 года было предписано управляющему Самурскимъ округомъ, полковнику Снаксареву, прибыть въ Казикумухъ и, собравъ тамъ и въ Кюринскомъ ханствѣ милицію, дѣятельно слѣдить за поведеніемъ

(*) У Асланъ-хана было два сына: Нуцалъ и Магометъ-Мирза, оба бывшіе ханами одинъ за другимъ и умершіе не оставивъ дѣтей мужескаго пола; послѣдній умеръ въ 1839 году. Затѣмъ остались въ живыхъ: жена Асланъ-хана, престарѣлая ханша Умма Гюльсумъ-бике, дочь Нуцалъ-хана и дѣти двоюродныхъ братьевъ, Асланъ-хана Омара и Таиръ-бековъ. У Омара было три сына: Абдурахманъ-бекъ, Абдулла-бекъ и Агаларъ-бекъ; у Таира пятеро: Гарунъ-бекъ, Мамадъ-бекъ, Хаджи-Ягья, Юсуфъ-бекъ и Джебраилъ-бекъ. Изъ нихъ наиболѣе способными были: Агаларъ-бекъ и Юсуфъ-бекъ, но Абдурахманъ-бекъ, какъ женившійся на дочери Нуцалъ-хана, считалъ себя въ большемъ правѣ на Казикумухское ханство.

членовъ ханской фамиліи. Но сыновья Таира, наружною почтительностью, успѣли усыпить Снаксарева, дряхлаго старика, до такой степени, что онъ даже распустилъ милицію. Въ половинѣ марта, Казикумухцы, по наущенію Хаджи-Ягья, прибывшаго изъ горъ подъ видомъ покорности, послали торжественное приглашеніе къ Шамилю, обѣщаясь по прибытіи его выдать ему ханшу и всѣхъ Русскихъ.

Съ своей стороны, Шамиль, не упускавшій никогда случая воспользоваться легковѣріемъ народа, поспѣшилъ съ мюридами въ Казикумухское ханство и 20-го марта безпрепятственно занялъ Кумухъ. Снаксаревъ и нѣсколько другихъ русскихъ офицеровъ, заключившіеся въ ханскомъ замкѣ, были на другой день ему выданы и отправлены плѣнными въ горы, а Хаджи-Ягья назначенъ наибомъ Казикумуха. Старая ханша была оставлена на своемъ мѣстѣ, потому что Шамиль изъ особой политики не посягалъ на членовъ ханскаго рода, которые были ему безвредны.

Когда уже не оставалось никакого сомнѣнія насчетъ мятежа Казикумуха, корпусный командиръ сдѣлалъ распоряженіе о направленіи туда изъ Закавказья 4-хъ баталіоновъ, необходимыхъ для его успокоенія. Въ ожиданіи же ихъ прибытія, командиръ князя Варшавскаго полка, полковникъ Заливкинъ (временно командовавшій войсками въ Южномъ Дагестанѣ), въ половинѣ апрѣля, поспѣшилъ занять путь отъ Нижняго Самура до Казикумуха. Желаніе удержать эту единственно доступную туда дорогу заставило его растянуть свой малочисленный отрядъ по-эшелонно на всемъ пространствѣ отъ Рича до Кураха, но къ счастью, дурныя соображенія Заливкина не оказали послѣдствій, благодаря мужеству и присутствію духа горсти нашихъ войскъ.

Новый наибъ Казикумуха, Хаджи-Ягья, понимая ошибочность нашего расположенія, и желая заслужить на первыхъ порахъ милостивое расположеніе Шамиля, вознамѣрился истребить отрядъ Заливкина по частямъ, начавъ съ его авангарда, стоявшаго при селеніи Рича. Въ это время, въ Ричахъ, подъ командою артиллеріи капитана князя Орбеліана, находились двѣ роты (1-я піонерная кавказскаго сапернаго баталіона и 4-я мушкатерная Его Свѣтлости полка), при горномъ единорогѣ, 30-ти донскихъ козаковъ и трехъ сотняхъ кюринской горной милиціи; всего, за исключеніемъ Кюринцевъ, съ небольшимъ 300 человекъ.

1-го мая, Хаджи-Ягья, съ четырехтысячнымъ скопищемъ Кумухцевъ, Карахцевъ и Андалаяцевъ, занялъ окрестныя Ричии-

скія высоты. При появленіи непріятеля, кюринская милиція, воскликнувъ «Алла-кяламъ!» (сила Божья), обратилась въ бѣгство, а защита позиціи была предоставлена 300 храбрыхъ.

Князь Орбеліанъ, отдѣливъ 80 человекъ въ резервъ и расположивъ его позади лѣваго фланга, наиболѣе нуждавшагося въ поддержкѣ, сталъ ожидать нападенія.

Вскорѣ пѣшія и конныя толпы непріятеля атаковали лѣвый флангъ его позиціи съ такою стремительностію, что нѣкоторые изъ смѣльчаковъ успѣли даже проникнуть въ самый лагерь. Но встрѣченная дружнымъ ударомъ въ штыки, эта атакующая масса была отброшена, оставивъ въ нашихъ рукахъ три значка и 26 тѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ, нападеніе снова повторилось на правый флангъ и центръ позиціи и снова было отбито, при чемъ опять былъ оставленъ въ нашихъ рукахъ одинъ значекъ. Встрѣтивъ мужественный отпоръ, скопище отхлынуло на значительное разстояніе и завязало перестрѣлку, на которую мы дѣятельно отвѣчали картечью, изъ единорога и ружейными выстрѣлами.

Около полудня, въ непріятельскихъ массахъ было опять замѣчено сильное движеніе, предвѣщавшее скорый натискъ. Ободренные удачею, солдаты готовились встрѣтить ихъ по прежнему. Дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ непріятель снова атаковалъ оба фланга нашей позиціи. Подпустивъ его на близкое разстояніе, князь Орбеліанъ далъ залпъ и бросился въ штыки, при чемъ захватилъ еще одинъ значекъ. Тогда скопище, троекратно отбитое, понесшее значительную потерю въ людяхъ, прекратило свои нападенія и потянулось обратно къ Кумуху.

Вся потеря наша состояла изъ 10 человекъ убитыми и 87 ранеными; непріятель потерялъ болѣе 300 человекъ.

Это геройское дѣло, безспорно, спасло весь отрядъ Заливкина.

Между тѣмъ баталіоны, направленные въ Южный Дагестанъ, прибыли въ Кубу въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Начальство надъ всѣми войсками, долженствующими сосредоточиться на границѣ Казикумухскаго ханства, по распоряженію корпуснаго командира, было ввѣрено полковнику князю Аргутинскому-Долгорукову, тогда еще мало извѣстному на военномъ поприщѣ, которое впослѣдствіи суждено было ему пройти со славою великихъ мужей исторіи. Новый командующій войсками былъ уже на Самурѣ, когда разыгралось Ричинское дѣло.

Узнавъ о его результатѣ, князь Аргутинскій поспѣшилъ двинуть прибывшія на Самуръ войска къ Чираху, чтобъ поддер-

жать раскинутые эшелоны Заливкина, въ случаѣ новыхъ покушеній непріятеля и въ то же время воспользоваться моральнымъ вліяніемъ Ричинской побѣды. 8 мая, тамъ сосредоточились: маршевой баталіонъ Виленскаго полка, баталіонъ Тифлискаго, баталіонъ Мингрельскаго и баталіонъ князя Варшавскаго полковъ, при 4-хъ горныхъ единорогахъ и элисуйской милиціи, приведенной Даниель-султаномъ.

Мятежники, въ числѣ 4,000, укрѣпились въ селеніи Шуарклю, верстахъ въ 5-ти отъ Кумуха.

12-го мая, подступивъ къ селенію, князь Аргутинскій лично осм отрѣлъ позицію непріятеля: надо было перейти глубокой оврагъ, чрезъ который проходило нѣсколько горныхъ тропинокъ, занятыхъ непріателемъ. Но къ счастью, мятежники, чтобъ удвоить бдительность, растянули свою линію на 12 верстъ и тѣмъ ослабили центръ удеревни Шуарклю. Пользуясь этою ошибкою, князь Аргутинскій ударилъ на центръ: Тифлисы и Мингрельцы въ мигъ перешли оврагъ и на штыкахъ ворвались въ селеніе. Непріятель, увидя линію свою прорванною и боясь большихъ потерь въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, въ безпорядкѣ бѣжалъ къ Кумуху, оставя въ рукахъ нашихъ 27 плѣнныхъ. Мы потеряли только 25 человекъ убитыми и ранеными.

Слѣдствіемъ побѣды при Шуарклю было занятіе Кумуха; въ тотъ же день старшины многихъ казикумухскихъ селеній прибыли къ князю Аргутинскому съ покорностію; Хаджи-Ягья бѣжалъ въ горы.

Но Шамиль вовсе не думалъ покидать своихъ намѣреній, относительно Казикумухскаго ханства, обѣщавшаго ему такъ много выгодъ, и вознамѣрился лично поспѣшить туда. Къ 20-му мая болѣе 5,000 подъ предводительствомъ лучшихъ его набовъ: Ахверды-Магомы, Хаджи-Мурата и другихъ, сосредоточились въ Дусраратѣ. По извѣстію объ этомъ, князь Аргутинскій рѣшился выждать непріятеля у Кумуха, но въ то же время усилилъ гарнизоны въ Чирахъ и Курахъ, чтобы, на всякій случай, обезпечить свои сообщенія съ Нижнимъ Самуромъ.

25-го мая, непріятель, въ большихъ силахъ, показался на Кумухскихъ высотахъ, 30-го скопище раздѣлилось: съ большою частью его Шамиль бросился къ селенію Кюлюди на сообщенія Аргутинскаго; остальная часть заняла селеніе Унджугатъ, въ 10 верстахъ отъ Кумуха. Мятежъ снова вспыхнулъ по всюду и Казикумухцы, трепеща за свои семейства, плѣдыми толпами явля-

лись въ станъ Шамиля и увеличили скопище его въ Кюлюли до 9,000.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, князь Аргутинскій предположилъ идти на встрѣчу главнымъ массамъ непріятеля, отъ пораженія которыхъ зависѣлъ весь успѣхъ. 1-го іюня, сдѣлавъ предварительно рекогносцировку къ Унджугатлю и вытѣснивъ оттуда непріятеля, онъ двинулся къ Кюлюлю, оставивъ всѣ лишнія тяжести въ Кумухъ подъ прикрытіемъ роты Виленскаго полка.

2-го іюня, отрядъ его, состоящій изъ 4-хъ баталіоновъ, при 4-хъ орудіяхъ, элисульской, кюринской и кубинской милицій, стоялъ уже напротивъ Кюлюли, отдѣленный отъ селенія довольно глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго извивалась Ко^ссу. Непріятель сбился въ селеніе, прислоненное къ высокой скалѣ и подымающееся амфитеатромъ на значительную высоту; каждая сакля оборонялась нѣсколькими десятками воиновъ.

Минута была трудная: атаковать непріятеля казалось невозможнымъ, не имѣя артиллеріи большаго калибра. Но къ счастью, онъ самъ предупредилъ наши желанія, бросившись въ большихъ массахъ на оба крыла позиціи князя Аргутинскаго. Эта попытка его дала намъ возможность разбить его.

Бывшая на лѣвомъ крылѣ кюринская милиція, смятая неожиданнымъ натискомъ превосходнаго непріятеля, было побѣжала, но прибывшія сюда двѣ роты Виленскаго полка и кубинская милиція возстановили дѣло.

На правомъ крылѣ, Ахверды-Магома, съ 4,000, напалъ на Даніель-султана; но, встрѣченный съ фронта подоспѣвшими Мингрельцами, онъ былъ отбитъ.

Тогда князь Аргутинскій ударилъ общее наступленіе. Опрокинутый непріятель сбился въ Койсу и былъ разсѣянъ картечнымъ огнемъ. Вся рѣка окрасилась кровью и мутныя волны понесли трупы несчастныхъ. Побѣда была полная и совершенная.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ заключалась въ 127 убитыми и ранеными; у непріятеля вышло изъ строя до 1,500 и 80 чело-вѣкъ достались намъ въ плѣнъ.

Въ ночь на 3 іюня, Шамиль отступилъ. Онъ шелъ такъ быстро, что къ семи часамъ утра былъ уже у Кумуха (около 30 верстъ) и попробовалъ было занять селеніе, но жители, предваренные о побѣдѣ и поддерживаемые ротою Виленскаго полка,

дали ему рѣшительный отпоръ. Встрѣтивъ и здѣсь неудачу, Шамиль успѣшилъ очистить Казикумухское ханство.

Прибывъ въ Кумухъ, князь Аргутинскій назначилъ правителемъ ханства, возвращеннаго изъ Тифлиса, Абдурахманъ-бека, подъ непосредственнымъ руководствомъ ханши Умми-Гюльсумъ-бике. Спокойствіе было повсемѣстно возстановлено, а отрядъ расположился лагеремъ на окрестныхъ высотахъ.

Не столь удачны были дѣйствія на сѣверѣ Андійскаго хребта, предпринятія вслѣдствіе обширныхъ предположеній. Хотя главный театръ ихъ былъ и внѣ Дагестана, но мы считаемъ долгомъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, такъ какъ они имѣли непосредственную цѣлью этой край.

Общій планъ на 1842 годъ былъ слѣдующій. Предполагалось для обезпеченія Дагестана со стороны Чечни прочно утвердиться на Андійской Койсу и для этого основать укрѣпленныя переправы при Игали и Тлохъ. Дѣйствія должны были одновременно направиться съ двухъ сторонъ: главнымъ отрядомъ съ Кумыкской плоскости чрезъ Ичкери въ Андію и вспомогательнымъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Чтобы главный отрядъ, по прибытіи на Андійское Койсу, не встрѣтилъ недостатка въ продовольствіи, въ Цатаникъ были сосредоточены значительные военные и продовольственные запасы (*). Общее начальство надъ войсками было поручено генераль-адъютанту Граббе, герою Ахульго, человѣку съ большой энергіею, рѣшительному, искусному и предприимчивому.

Во исполненіе этихъ назначеній, генераль-адъютантъ Граббе сосредоточилъ 29-го мая отрядъ у Герзель-аула, въ составѣ 12¹/₄ баталіоновъ, 16 легкихъ, 8 орудій у 3¹/₂ сотенъ линейныхъ козаковъ; отрядъ имѣлъ при себѣ продовольствія на 15 дней, двойной комплектъ снарядовъ, 500,000 патроновъ, 2,540 лошадей и много повозокъ (**).

30-го мая, войска, въ глубокой колоннѣ, двинулись вверхъ по рѣкѣ Аксаю и въ этотъ день, при непрерывныхъ остановкахъ и стягиваніи обоза, могли сдѣлать только 7 верстъ, имѣя незначи-

(*) Туда было доставлено на мѣсяцъ провіанта для 15,000; по комплекту зарядовъ для 18 орудій, 500,000 патроновъ, 1,000 четвертей ячменя и 1,000 ведеръ спирту.

(**) Баталіоны были: 1 и 2 князя Варшавскаго (пришедшіе изъ Дагестана), 1, 2, 3 и 4 Навагинскаго, 1, 2, 3 и 4 Кабардинскаго, 3 и 4 Куринскаго полковъ и рота Кавказскаго сапернаго баталіона.

тельную перестрѣлку. Дорога впереди извивалась по узкому лѣсистому гребню, пересѣкаемая оврагами и глубокими промоинами, впадающими въ Аксай; чѣмъ дальше, лѣсъ становился гуще, поляны встрѣчались рѣже. Съ вечера 30-го пошелъ проливной дождь, значительно испортившій дорогу.

Между тѣмъ, вѣсть о вторженіи Русскихъ распространилась повсемѣстно: Ичкеринцы, Ауховцы, даже Гумбетовцы и Андійцы стеклись въ большихъ массахъ на встрѣчу отряда. Начальство надъ скопищемъ, за отсутствіемъ Шамиля, принялъ ичкеринскій наибъ Шуаибъ-мулла.

31-го числа, къ полудню, отрядъ прошелъ впередъ только 4 версты. Дождь прекратился и вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же показались горцы; они преимущественно напирали на правое прикрытие колонны, состоявшее изъ 3-хъ баталіоновъ, и на арріергардъ; стрѣляли съ деревьевъ и изъ балокъ. Къ вечеру отрядъ сдѣлалъ еще нѣсколько верстъ до урочища Башиль-Ирзау, имѣя 72 человекъ выбывшими изъ строя.

1-го іюня, отрядъ продолжалъ движеніе. Авангарду изъ 1 и 2 баталіоновъ Кабардинскаго полка, приходилось непрерывно выбивать непріятеля изъ заваловъ, устроенныхъ поперегъ дороги; одинъ изъ нихъ, на урочищѣ Кожальскѣ, защищаемый самимъ Шуаибъ-муллою, въ особенности стоялъ много крови. Здѣсь палъ командиръ 1-го баталіона Кабардинскаго полка, подполковникъ Островской; почти всѣ офицеры авангарда были убиты или переранены. Но завалъ былъ взятъ и горцы спереди удалились, между тѣмъ какъ бой въ боковыхъ цѣпяхъ и арріергардѣ кипѣлъ съ прежней силой. Въ этотъ день мы имѣли убитыми и ранеными болѣе 500 человекъ.

Идти далѣе съ такимъ количествомъ раненыхъ, для несенія которыхъ требовалось по крайней мѣрѣ 2,000 солдатъ, было невозможно, тѣмъ болѣе, что въ три дня было пройдено только 22 версты, а до Дарго оставалось еще столько же. Генералъ-адъютантъ Граббе рѣшился отступить.

2-го іюня, отрядъ предпринялъ обратное движеніе посреди страшнаго боя, кипѣвшаго въ арріергардѣ. Пользуясь общимъ замѣшательствомъ, горцы успѣли было захватить 6 орудій; но командиръ 3-го баталіона Кабардинскаго полка, подполковникъ Траскинъ, отбилъ ихъ обратно и палъ пораженный нѣсколькими пулями. Этотъ день былъ самый ужасный; дорога загроздилась трунами людей, лошадей и изломанными повозками; непріятель

тель насѣдалъ съ неистовствомъ; всѣ части разстроились отъ потерь своихъ начальниковъ. Рѣшено было стянуть войска въ боевой порядокъ и ждать приближенія ночи, когда непріятель, утомленный дневнымъ боемъ, обыкновенно расходился на ночлегъ по ближайшимъ селеніямъ и хуторамъ.

Какъ только смерклось, отрядъ, побросавъ въ кручу всѣ излишнія тяжести, въ глубокой тишинѣ двинулся далѣе и къ разсвѣту достигъ урочища Башиль-Ирзау, никѣмъ не преслѣдуемый. Къ вечеру 3-го іюня войска прибыли на урочище Газейнъ, въ 6½ верстахъ отъ Герзель-аула. Схватки были преимущественно въ арріергардѣ, но уже потери въ этотъ день было значительно менѣе. 4-го іюня войска, слабо преслѣдуемая, вышли къ Герзель-аулу.

Потеря наша въ теченіе 6-ти дней была слѣдующая: убито 2 штабъ-офицера, 7 оберъ-офицеровъ и 480 нижнихъ чиновъ; ранено штабъ и оберъ-офицеровъ 57 и нижнихъ чиновъ 1239.

Ичкеринскій лѣсъ навсегда останется кровавымъ эпизодомъ кавказскихъ войнъ, ужаснымъ даже въ разсказахъ. Мы не станемъ входить въ подробный разборъ этой экспедиціи. Много случайныхъ обстоятельствъ содѣйствовали къ ея неудачѣ; но нельзя не замѣтить, что путь черезъ ичкеринскіе лѣса былъ выбранъ опрометчиво; степень проходимости дороги была преувеличена; самый отрядъ былъ слишкомъ великъ, имѣлъ много обозовъ, и слѣдовательно напередъ можно было разсчитать, какое затрудненіе онъ рискуетъ встрѣтить въ горахъ.

• Всѣ горы торжествовали нашу неудачу; Шамиль, забывъ поражение свое въ Казикумухъ, снова сталъ набирать скопища и громко выражалъ свои намѣренія напасть на Аварію. Обстоятельства эти побудили генералъ-адъютанта Граббе перенести дѣйствія въ глубь Дагестана.

Съ этою цѣлью сосредоточенный имъ при Темиръ-Ханъ-Шуръ отрядъ изъ 11 съ четвертью баталіоновъ при 20 орудіяхъ, 3 сотняхъ козаковъ и конной милиціи (*), 24-го іюня прибылъ къ Цатаниху. На слѣдующій день, отрядъ, двумя эшелонами, двинулся къ Игали и занялъ окрестныя высоты. При появленіи нашихъ

(*) Два баталіона Апшеронскаго, четыре баталіона князя Варшавскаго, два баталіона Кабардинскаго и сводный баталіонъ изъ двухъ ротъ Апшеронскаго и двухъ ротъ Тифлисскаго полковъ и рота Кавказскаго сапернаго баталіона.

войскъ, Игалинцы зажгли селеніе и вмѣстѣ съ мюридами, посланными Шамилемъ къ нимъ на помощь, зашли въ садахъ за завалами. 28-го іюля, войска съ двухъ сторонъ атаковали сады, выбили оттуда непріятеля и заняли селеніе. Но здѣсь ближайшее знакомство съ мѣстностью показало, что утвердиться въ Игали не было возможности, по причинѣ недостатка воды, а на Андійской Койсу нельзя было устроить укрѣпленія, потому что лѣвый берегъ ея—отвѣсная скала и командуетъ правымъ; притомъ же дорога отъ Цатаниха къ Игали превосходитъ своею неприступностью даже спускъ въ Гимринское ущелье. 29-го іюля войска очистили селеніе и прибыли въ Цатанихъ, слабо преслѣдуемые горцами. Здѣсь были сложены излишніе артиллерійскіе и продовольственные запасы, а баталіоны, входившіе въ составъ отряда, направлены отчасти на разработку военно-дагестанской дороги, отчасти для исправленія верховъ аварскихъ укрѣпленій.

Такимъ образомъ, не смотря на огромныя средства, главная цѣль предположеній 1842 года не была достигнута. Экспедиція этого года, не только не содѣйствовала къ поколебанію могущества Шамиля, напротивъ она усилила его вліяніе, поселивъ въ горахъ глубокую довѣренность къ его уму и счастію. Потери непріятеля далеко уступали нашимъ въ числительности, даже не исключая Казикумуха, гдѣ главная масса убитыхъ состояла изъ жителей этого ханства, которыхъ Шамилъ не имѣлъ причины беречь. Съ 1842 года, непріятель имѣлъ полную возможность оцѣнить затрудненія, встрѣчаемыя нами при дѣйствіяхъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, между тѣмъ какъ ему представлялось обширное поприще тревожить насъ со всѣхъ сторонъ. До сихъ поръ, въ горахъ еще сохранялась увѣренность въ непобѣдимости Русскихъ; неудача 1842 года, къ несчастію, поколебала и это убѣжденіе; дерзость непріятеля возрасла неизмѣнно и онъ снова сталъ мечтать объ изгнаніи насъ съ Кавказа, подобно тому, какъ это было въ лучшія времена Казимуллы.

И такъ по истеченіи десяти лѣтъ (съ 1832 по 1842 годъ), не смотря на непрерывныя усилія и пожертвованія, плоды лучшихъ экспедицій были потеряны. Владычество наше въ горахъ не подвинулось впередъ; нравственное превосходство утрачено, самая энергія какъ будто ослабла, что доказываетъ бездѣйствіе конца 1842 и большей части 1843 годовъ. Мы какъ будто пред-

видѣли въ будущемъ еще большія потери и готовились къ нимъ съ равнодушіемъ, близкимъ къ отчаянію.

Съ другой стороны, геній Шамиля не упустилъ ничего изъ виду. Въ теченіе восьмилѣтняго имамства, при борьбѣ, ежеминутно грозившей ему гибелью, онъ дѣятельно трудился надъ утвержденіемъ своей власти, понимая, что только искусно приспособленная администрація могла служить ей прочнымъ основаніемъ. И такъ, совершенно новыя учрежденія были имъ даны въ горахъ и намъ уже предстояла борьба не съ обитателями Чечни и Дагестана, но съ правильно-организованнымъ обществомъ, въ главѣ котораго стоялъ Шамиль. Чтобъ имѣть возможность вполне оцѣнить предстоящія намъ трудности, полагаемъ нелишнимъ заключить эту главу изложеніемъ административной системы, которую Шамиль немедленно вводилъ въ обществахъ, по мѣрѣ ихъ къ нему присоединенія.

Прежде всего сдѣлаемъ перечень покорнымъ Шамилю обществамъ.

Въ Дагестанѣ ему повиновались: Андія, Гумбетъ, часть Койсубу, Технущаль, Богулаль, Тинды, Ункратль, Карата, оба Ахвахи, часть Аваріи, Келе, Гидатль, Гилитль, Карахъ, Куяда, часть Андалаяля и другія селенія. Всего свыше 130,000 семействъ.

По сѣверную сторону Андійскаго хребта: часть Салатави, Аухъ, Ичкери, Большая и Малая Чечня, Шубуты и другія мелкія чеченскія племена, всего слишкомъ 100,000 семействъ.

Всю эту массу населенія Шамиль раздѣлилъ на округа, состоящіе приблизительно изъ 1000 дворовъ. Каждый округъ управлялся наместникомъ его—*наибомъ*.

Наибы почти полновластные хозяева въ округѣ. Они творятъ судъ и расправу по шарріату и слѣдятъ за отправленіемъ народныхъ повинностей; въ случаѣ надобности, дѣлаютъ сборы войскъ и предводительствуютъ ими, согласно воли и планамъ Шамиля.

На обязанности ихъ лежитъ: добросовѣстное и строгое управленіе ввѣренною имъ частію, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ постановленій шарріата (*) и устраненіе между жителя-

(*) Шамиль, согласно своимъ видамъ, нѣсколько измѣнилъ шарріатъ, введя въ него статьи, которыхъ тамъ никогда не существовало. Такъ, напримеръ, по истинному шарріату казнь допускается въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, но по Шамилевскому это дѣло весьма обыкновенное.

ми всякихъ враждебныхъ столкновеній, преимущественно же кровомщенія. Но тѣмъ не менѣе наибы—страшные грабители, и Шамиль это знаетъ, но молчитъ изъ личныхъ выгодъ, потому что каждый наибъ платитъ ему.

Не всѣхъ наибовъ Шамиль облекъ одинаковою властію; болѣе довѣренныя и испытанныя изъ нихъ имѣютъ болѣе власти и отличій наружныхъ. Имъ онъ довѣряетъ наиболѣе сокровеннѣйшія мысли; они его подпора въ настоящемъ и будущемъ.

Для того, чтобы достигнуть наибскаго званія, не надо происходить изъ знатнаго рода; для этого требуются способности, усердіе и вѣрность имаму. Шамиль самъ плебей, поддерживаетъ плебейство, тщательно истребляетъ аристократію, которая, какъ на примѣръ въ Аваріи, имѣетъ свои преданія, и даже втайнѣ сочувствуетъ прежнему порядку вещей.

Наобы дѣйствуютъ на народъ посредствомъ кадиевъ и старшинъ.

Кадій (*) — лицо духовное; ему хорошо должно быть извѣстенъ шарріатъ, такъ какъ къ его рѣшенію преимущественно обращаются судящіеся; въ рѣдкомъ селеніи нѣтъ кадія. Старшины составляютъ послѣднюю инстанцію суда и ихъ въ селеніи бываетъ по нѣскольку. Какъ кадін, такъ и старшины, избираются народомъ, но утверждаются Шамилемъ по представленію наибовъ.

Все покорное Шамилю населеніе составляетъ одно военное сословіе. Каждый горецъ, отъ 16 и до 60 лѣтъ, обязанъ непремѣнною службою. Если у отца три сына, они всѣ должны идти на войну безъ очереди; если четыре—младшій можетъ оставаться дома. Въ важныхъ обстоятельствахъ, требующихъ поголовнаго возстанія, выходятъ всѣ и даже 60 лѣтніе старики. Для этого каждый житель обязанъ имѣть оружіе—винтовку, пистолеть и пашку; наиболѣе зажиточные и лошадь; если кто нибудь изъ нихъ по болѣзни остается дома, то лошадь свою передаетъ другому. Шамиль въ особенности заботится объ образованіи кавалеріи, что даетъ ему возможность переносить свои скопища съ одного пункта на другой съ неимоверною быстротою, между тѣмъ какъ горцы съ одинаковымъ удобствомъ дерутся и въ пѣшемъ и въ конномъ строѣ.

(*) Въ Турціи кадін имѣютъ обязанность полицейскихъ чиновниковъ; но въ Дагестанѣ они судьи и какъ здѣсь характеръ управленія чисто еократическій, то они имѣютъ съ тѣмъ и духовныя лица.

На время похода, каждый воинъ обязанъ запастись провизіею дома и нести ее на себѣ. При продолжительныхъ же сборахъ, скопища довольствуются на счетъ житетей окрестныхъ мѣстъ, или по частямъ отправляются домой за провіантомъ. Какъ горцы ни умѣренны въ пищу, однакожь бѣдность въ Дагестанѣ такова, что округи рѣшительно не въ состояніи содержать войска Шамиля даже и нѣсколькихъ дней; отъ этого сборы тамъ бываютъ весьма непродолжительны (*). Это же самое побуждаетъ горцевъ открывать свои компаніи преимущественно осенью, какъ только окончится уборка посѣвовъ и когда еще повсюду можно найти хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ.

Обозовъ при скопищахъ не бываетъ вовсе, и только за Шамилемъ и другими первостепенными лицами возятся по одному или по два вьюка съ необходимыми вещами.

Если обстоятельства потребуютъ сбора войскъ, то или всѣ могущіе носить оружіе выходятъ поголовно, и это бываетъ, какъ мы сказали, въ крайнихъ случаяхъ, или же количество вооруженныхъ, съ такого то и такого панбства, назначается предварительно самимъ Шамилемъ. Простота системы и природная способность горцевъ къ войнѣ, даютъ возможность набирать большія силы въ самое короткое время.

Сверхъ этихъ временныхъ ополченій, Шамиль имѣетъ при себѣ постоянно конную охранную стражу мюридовъ, нѣчто въ родѣ гвардіи. Она набирается преимущественно изъ людей, извѣстныхъ преданностію имаму, вполне проникнутыхъ святостію его идей преимущественно холостыхъ; число ихъ впростирается до 600 человекъ. Мюриды получаютъ отъ Шамиля, кромѣ приходящейся имъ доли изъ отбитой добычи, иногда особые денежные подарки; каждая деревня, въ которую посылаются мюриды, обязана продовольствовать какъ ихъ, такъ и ихъ лошадей. Последняя мѣра придаетъ охранной стражѣ еще болѣе важности и уваженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ горцевъ возвышаетъ и самаго Шамиля.

Цѣль учрежденія охранной стражи двоякая. Прямая, чтобъ имѣть вокругъ себя людей испытанныхъ, готовыхъ во всякое время поддержать его власть и въ случаѣ нужды пожертвовать

(*) Въ 1844 году, Шамиль почти мѣсяцъ держалъ въ сборѣ свои скопища въ Аваріи и Койсубу, но это потому, что эти части Дагестана принадлежали намъ, и онъ, какъ бы въ отищеніе имъ за преданность Русскимъ, грабилъ ихъ бессовѣтно.

жизнію. На войнѣ, они составляютъ самый надежный резервъ, дерутся съ отчаянною рѣшимостію, соблюдаютъ отличную подчиненность и въ бою носятъ значки Шамиля: малое число ихъ опаснѣе цѣлаго скопища горцевъ.

Косвенная же цѣль ихъ учрежденія состоитъ въ томъ, что они рассылаются по селеніямъ для поддержанія и распространенія шарріата, особенно въ обществахъ, недавно приставшихъ къ Шамилю или вѣрность которыхъ сомнительна. Такъ: Андія и Гумбетъ, наиболѣе пострадавшіе, ропщутъ на Шамиля; но какъ общества эти составляютъ центръ его владѣній и опору дѣйствій въ Дагестанѣ, то Шамиль принимаетъ самыя строгія мѣры для удержанія ихъ въ покорности и наблюденіе за ними возложено на мюридовъ. Такимъ образомъ, послѣдніе составляютъ нѣчто въ родѣ *опричины*, которая дѣйствіями своими и подозрительностію держитъ всѣхъ въ такомъ страхѣ, что даже брать боятся брата; при малѣйшемъ поводѣ къ подозрѣнію, мюриды тотчасъ же арестовываютъ виновныхъ, наказываютъ ихъ, или отсылаютъ къ наубу.

Доходы предшественниковъ Шамиля—Кази—муллы и Гамзатъ—бека—состояли единственно въ *хамусъ* (пятой доли военной добычи). Но Шамиль положилъ слѣдующія основанія для образованія общественной казны:

- 1) Хамусъ, какъ было и прежде.
- 2) Штрафы, налагаемые на виновныхъ за разные проступки, измѣну и нарушеніе шарріата.
- 3) Доходы съ земель, составляющіе собственность мечетей, или поступающіе въ казну аварскаго хана, который взымалъ дань съ Андін, Гумбета, Койсубу и многихъ мелкихъ обществъ Дагестана.
- 4) Десятая доля съ хлѣбныхъ произведеній (зюкатъ).
- 5) Если послѣ умершихъ не оказывается прямыхъ наслѣдниковъ, то все ихъ имущество, движимое и недвижимое, поступаетъ къ Шамилю.

Примѣчаніе. Всѣ денежные взносы, доставляются прямо казначею Шамиля, а хлѣбный сборъ остается въ веденіи каждаго науба и расходуется по распоряженію нмама.

Шамиля упрекаютъ въ скупости; но онъ просто бережливъ и имѣетъ на это полное основаніе; при случаяхъ же имѣетъ быть и щедрымъ, когда слѣдуетъ наградить за подвигъ мужества или преданности.

Какъ награды, такъ и наказанія приведены имъ въ правильную систему. Въ началѣ, за храбрость у него выдавались подарки разными вещами, какъ то: оружіемъ, платьемъ, лошадыю, баранами и проч. Въ 1841 году, съ образованіемъ охранной стражи, появились чины и знаки отличія. Первый чинъ — муртизигатъ, то есть десятникъ, потомъ сотенный командиръ, двухъ-сотенный и пяти-сотенный; наибъ въ военной гіерархіи играетъ роль маршала и предводителюствуетъ скопищемъ въ 1,000, 2,000 и болѣе человекъ. Знаки отличія состоятъ изъ серебрянныхъ, круглыхъ или вырѣзанныхъ на подобіе луны медалей, которыми награждаются за особенное мужество всѣ чины. Въ концѣ 1842 года Шамиль учредилъ знакъ отличія, похожій на нашу орденскую звѣзду и пожаловалъ имъ Шуаибъ-муллу, Ахверды-Магому и Уллу-бея. При занятіи Шамилемъ Казикумуха въ 1842 году, достались въ его руки Высочайше пожалованные Казикумухскому и Кюринскому ханствамъ знамена; одно изъ нихъ онъ отдалъ Шуаибу, другое Уллу-бею, въ награду за дѣйствія ихъ въ Ичкеринскомъ лѣсу.

Сколько разнородны награды, столько различны и наказанія. За малую вину налагается штрафъ—денежный или натурою, который и поступаетъ въ общественную казну; за вторичную вину того же рода—штрафъ увеличивается. Оказавшимъ въ дѣлѣ трусость обшиваютъ правую руку войлокомъ и виновный носить его до тѣхъ поръ, пока не исправитъ свою репутацію. За большія вины сажаютъ въ яму, на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ. При этомъ арестованнымъ отпускается самая скудная пища, едва достаточная для поддержанія жизненныхъ силъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ, по мѣрѣ важности вины, заковываютъ въ кандалы. Во все время заключенія, они лишены возможности дышать свѣжимъ воздухомъ, а если это и позволяютъ имъ, то не болѣе, какъ на часъ и то въ видѣ великаго снисхожденія; когда же кончится срокъ ареста, освобожденные изъ ямы едва походятъ на живыхъ людей и часто отъ изнуренія впадаютъ въ тяжкую болѣзнь и умираютъ.

За преступленія болѣе важности, какъ то за измѣну, дезертерство, лазутничество, опредѣляется смертная казнь, а для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, при Шамилѣ состоитъ палачъ, съ сѣкирою, похожею на сѣкиры римскихъ ликторовъ. Сѣкира служитъ символомъ его власти и по этому постоянно возится за нимъ.

Такова, вкратцѣ, его система управленія, волею неволею приковавшая къ нему самыя необузданныя племена Кавказа. Какъ высшее духовное лицо, Шамиль управляетъ совѣстію каждаго; какъ политикъ и глава общества, онъ держитъ всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ, а сколько нужно ума и ловкости, чтобы ворочать людьми, незнавшими дотолѣ никакихъ законовъ, никакого порядка! Мѣры, употребляемыя имъ для этого, по истинѣ замѣчательны.

Такъ для приданія себѣ бѣльшей важности, Шамиль увѣрилъ народъ, что онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ и египетскимъ пашею и для доказательства самъ сочиняетъ письма, будто бы имъ полученныя отъ этихъ лицъ, и разсылаетъ ихъ къ наибамъ для прочтенія въ мечетяхъ. Въ этихъ письмахъ онъ обыкновенно излагаетъ, что султанъ и паша принимаютъ живое участіе въ его дѣлѣ и собираются подать ему дѣйствительную помощь войсками и деньгами.

Для поддержанія духовнаго вліянія, Шамиль разъ или два въ годъ прибѣгаетъ къ *хальвату*, который состоитъ въ слѣдующемъ. Въ извѣстное время, Шамиль запирается у себя въ домѣ и никого не принимаетъ, увѣряя, что долженъ предаться духовнымъ занятіямъ въ бесѣдѣ съ пророкомъ. Когда такимъ образомъ пройдетъ недѣля три, онъ начинаетъ принимать самую скудную пищу, а послѣдніе два или три дня почти ничего не ѣстъ. Къ этому времени, къ нему собираются отсюду кадін и муллы, окружаютъ домъ его, не позволяя никому къ нему приближаться. Вечеромъ послѣдняго дня этой уединенной жизни, Шамиль требуетъ къ себѣ главныхъ духовныхъ лицъ и принимая видъ изнуреннаго человѣка, говоритъ, что самъ Магометъ нисходилъ къ нему въ видѣ голубя, сдѣлавъ ему важное откровеніе и завѣщавалъ ему по прежнему трудиться надъ распространеніемъ шарріата. Послѣ бесѣды съ главнымъ духовенствомъ, Шамиль выходитъ къ собравшемуся народу, излагаетъ свои мысли, подтверждая ихъ слышаннымъ изъ устъ пророка. Легковѣрные горцы вѣрятъ ему и вся эта комедія оканчивается торжественнымъ гимномъ: «Нѣтъ Бога, крѣмъ Бога, пророка его Магомета и Имама великаго Шамиля». Послѣ сего, кадін и муллы расходятся по своимъ селеніямъ, рассказывая о происходившемъ въ Дарго; народъ молится, воспѣваетъ Бога, пророка и имама и предается празднествамъ.

Въ политикѣ, Шамиль дѣйствуетъ съ искусствомъ истинно макиавеліевскимъ. Такъ, когда ему нужно было наказать Назра-

новцевъ (Чеченское племя) въ 1841 году, Шамиль потребовалъ къ себѣ Хаджи-Мурата съ 500 Лезгинъ, и на оборотъ, для дѣйствій въ Дагестанѣ, посылаетъ туда Чеченцевъ. Такимъ образомъ, онъ ставитъ оба эти племени въ зависимость одно отъ другаго и поселяя въ нихъ взаимную недовѣрчивость, властвуетъ на основаніи правила *divide et impera*.

Шамиль—геній. Еслибъ онъ родился гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ во Франціи—онъ бы потрясъ міромъ. Въ исторіи онъ станетъ на ряду съ Чингисъ-ханомъ и Тамерланомъ и нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы ими въ дѣйствительности, еслибы судьба не свела его съ могущественною монархіею, борьба съ которой не можетъ быть успѣшна. Успѣхи оружія и энергія настоящихъ дѣйствій на Кавказѣ смирять этого грознаго владыку горъ; съ гибелью или съ смертію его, война должна кончиться, потому что есть много данныхъ предполагать, что ему не будетъ преемниковъ. Такіе люди рождаются вѣками и вызываются на поприще обстоятельствами, которыя не часто повторяются.
